

Фредерик Мэллали
ФАШИЗМ В АНГЛИИ
Сокращенный перевод с английского М. Лорие

Вступительная статья
Д. Заславского

Война свободолюбивых народов против фашистских агрессоров дала могучий толчок борьбе за демократию во всем мире: основные очаги фашизма в Европе – Германия и Италия – разгромлены; фашистские партии в большинстве капиталистических стран были вынуждены притаяться. С усилением послевоенной международной реакции они вновь зашевелились; кое-где еще осторожно, а кое-где уже откровенно и нагло они пробуют перейти в наступление против демократических завоеваний, добытых кровью миллионов лучших сынов человечества.

Книга Фредерика Мэллали рассказывает о прошлой и нынешней деятельности фашистских организаций в Англии. Советский читатель прочтет ее с интересом, так как до сих пор с фактами и событиями, описанными автором, можно было ознакомиться лишь по

кратким газетным сообщениям. Мы узнаем, что в Англии, кичащейся своими «демократическими свободами» английские фашисты задолго до войны в точности следовали немецким образцам. Они устраивали массовые избиения граждан, осмеливавшихся возражать их ораторам, терроризировали население рабочих кварталов Лондона и вели разнозданную неистовую антисемитскую пропаганду, сопровождавшуюся погромами малого и большого масштаба. Важнее всего то, что все это происходило под покровительством английской полиции и судебных властей. Ничем не препятствуя бандитским действиям фашистских молодчиков, полиция считала своей обязанностью охранять их от справедливого негодования антифашистов. Судебные органы, рассматривая дела фашистов, организаторов уличных нападений, неизменно решали дела в их пользу, при говаривая в то же время рабочих-антифашистов за действительную защиту демократии к суровым наказаниям.

Так, министр внутренних дел отказался произвести публичное расследование кровопролитного побоища, устроенного фашистами в Лондоне на митинге в павильоне Олимпия 7 июня 1934 г. По словам автора, все антифашисты, арестованные во время митинга в Олимпии, были оштрафованы или заключены в тюрьму, зато все фашисты были оправданы или приговорены условно.

Достоинством книги является то, что в подтверждение рассказанных событий автор приводит большое количество документов, в частности письма и показания свидетелей (принадлежащих к самым различным слоям общества) и жертв фашистского разгула.

Однако в книге Мэллали мы не находим всей полноты фактического положения, а его теоретические и практические выводы требуют к себе строго критического отношения. Ф. Мэллали – помощник редактора лейбористского журнала «Трибюн». Позиция у этого журнала неопределенная и неустойчивая: сам он причисляет себя к левому крылу лейбористской партии, но в действительности он часто занимает весьма правую позицию. То же самое можно сказать и относительно взглядов самого Мэллали на изложенные им события.

Выступая с разоблачениями деятельности английского фашизма и призывая к борьбе с ним, автор умалчивает о самом основном – о его реакционной классовой сущности.

В книге Мэллали нет точного определения фашизма. Он почти ни слова не говорит о монополистическом капитализме, об империализме как основном источнике фашизма. Характеризуя фашизм, И. В. Сталин указывал, что это «есть партия империалистов... партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов»¹ Фашизм во всех странах мира возник в результате общего кризиса капитализма, с углублением которого «господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры».² В странах, где господствующие реакционные классы лицемерно прикрывают свою диктатуру фиговым листочком парламентаризма, грязная работа – погромы, убийства из-за угла, избиения антифашистов – поручается титулованным и не титулованным фашистским бандитам.

У Мэллали не хватает решимости – или желания – ясно, недвусмысленно и до конца разоблачить это своеобразное «разделение труда», вскрыть непосредственную связь фашистских головорезов с заправилами финансового мира и некоторыми джентльменами из парламента.

Не сумев определить сущность английского фашизма, Мэллали, естественно, делает

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза», М., 1946 г., стр. 27–28.

² И. В. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 430.

ряд ошибочных выводов, совершенно не приемлемых для советского читателя.

История развития британского фашизма совпадает, по мнению автора, с историей жизни и деятельности сэра Освальда Мосли, главаря фашизма в Англии. Биография этого незадачливого кандидата на роль английского Гитлера занимает центральное место в книге. Несколько слов Мэллали находит и для того человека, которого он считает предшественником Мосли. Это капитан Уильям Стэнли Шоу, в 1901 г. основавший «Британскую братскую лигу». Лига была организована на военный лад и вела пропаганду против иммиграции иностранных рабочих и против евреев. Впервые фашистами называли себя организаторы небольших обществ «Бритиш фашисти лимитед», британских «национал-фашистов» и др. Все эти группки были затем объединены «Британским союзом фашистов», созданным Мосли.

Вот приблизительно и все о предшественниках Мосли. Его личной биографии уделено в книге несравненно больше места, чем историческим корням британского фашизма. Поэтому предшественником Мосли оказался, если судить по книге, незначительный капитан Шоу, в то время как несравненно более значительные фигуры остались в тени.

Между тем, говоря о предшественниках британского фашизма, нельзя обойти молчанием Сесиля Родса, известного авантюриста, колонизатора Африки, действовавшего самыми зверскими средствами, свирепого пропагандиста английского господства во всем мире. Нельзя обойти молчанием прозаика и поэта Киплинга, проповедника расового превосходства англо-саксов над другими народами. Надо назвать и Джозефа Чемберлена, который был, как известно, глашатаем воинствующего английского империализма, откровенно и хвастливо пропагандировал его «всепобеждающую» силу и враждебно относился к демократии. Небезынтересно вспомнить, что гитлеровцы считали духовным отцом своей расовой теории английского «философа» Хаустона Стюарта Чемберлена. Именно ему принадлежит идея «превосходства» арийской расы над всеми другими народами.

Во время первой мировой войны этот Чемберлен открыто перешел на сторону Германии.

Чем объяснить то, что Фредерик Мэллали не заметил всех этих предшественников британского фашизма? Во-первых, отказавшись, как отмечалось выше, от научного анализа фашизма как исторического явления, Мэллали, естественно, обращает свое внимание только на явных его представителей и участников и, главным образом, на их личные качества. Во-вторых, Мэллали склонен замечать преимущественно итальянские и германские источники британского фашизма. Он поддерживает – вольно или невольно – теорию иностранного, чужеземного происхождения фашизма на английской почве. А теория эта противоречит фактам, в том числе и тем, которые содержатся в книге самого Мэллали.

Обратимся к чертам биографии Мосли, имеющим общественный интерес. Из книги Мэллали мы узнаем, что Мосли принадлежит к верхам английской аристократии. Он владелец богатейших поместий, миллионер. По жене он родня лорду Керзону. Вместе с наследственными поместьями Мосли получил как бы по наследству место в парламенте, в рядах консервативной партии.

Мосли не терпелось стать лидером, членом кабинета. Но в консервативной партии старики грузно сидели на всех первых местах. Мосли испытывал разочарование. К власти подымались лейбористы. Карьера Макдональда импонировала Освальду Мосли. Он думал, что ему, молодому, энергичному аристократу, легче пробиться к видному политическому положению сквозь разрозненную толпу лейбористских депутатов, чем через сплоченную толщу своих аристократических собратьев. Мосли стал лейбористом. Это было в 1924 г. Он не сделался от этого демократом. Но он усвоил вкус к демагогии.

Во втором лейбористском правительстве Мосли получил второстепенный пост канцлера герцогства Ланкастерского. Тщетно рвался он к первым местам в кабинете. Половинчатая политика либералов от лейборизма его не удовлетворяла. Старая парламентская машина действовала медленно и со скрипом. Мосли никогда не порывал

связей со своей социальной средой, а она, напуганная ростом революционных движений в Европе и смертельно ненавидящая молодую Советскую страну, требовала от своих лидеров энергичной борьбы с «красной опасностью».

И Мосли меняет вехи. Он становится горячим поклонником взошедшей в Италии фашистской «звезды» – Муссолини. В 1930 г. Мосли возглавляет группу фашистующих «бунтовщиков» в лейбористской партии. В 1932 и 1933 гг. он демонстративно совершают политические паломничества в Рим. Теперь он открыто пропагандирует фашизм в Англии, а итalo-фашистская печать поет ему хвалу как своему стороннику. В 1932 г. возникает «Британский союз фашистов». Примечательно, что Мосли, и после того как он в 1930 г. возглавил «бунт» против лейбористского руководства, и после попытки внести раскол и создать «новую социалистическую партию», все еще формально оставался членом партии лейбористов и был исключен из «ее только в марте 1931 г.

На первых порах «Британский союз фашистов» слепо копировал свой итальянский прообраз. Те же черные рубашки, та же военная выправка, те же приветствия, те же средства грубой физической расправы с противниками, та же политика застрашивания народа. Сам Мосли рабски подражал своему римскому учителю. Напыщенные фразы о «великой Англии», беспардонная демагогия, воинственные клики, мания величия у главаря, казарменная дисциплина у рядовых членов. Разрабатывая программу, английские фашисты во многом копировали итальянских фашистов. Впоследствии программа английского фашизма была дополнена и исправлена в соответствии с германо-фашистским образцом. По мере того как Гитлер обгонял своего итальянского союзника и из его ученика становился его хозяином, менялась и ориентация Мосли. Он ездил на поклон в Берлин и вел переписку с Юлиусом Штрейхером.

Программа Мосли пропитана неистовым империалистическим духом. Если отбросить всякого рода демагогические обещания, рассчитанные на обман легковерных и неустойчивых людей, программа Мосли и его бандитской шайки фашистов преследовала две основные цели: внутри страны – борьбу против демократии и подавление рабочего движения; во вне – установление мирового господства британского империализма, организацию «крестового похода» против Советского Союза.

Этим основным целям и была подчинена подрывная работа Мосли и его своры. Беспардонная, бесчестная демагогическая агитация направлена была против коммунистов в Англии, против демократии во всех ее формах, против евреев, против национально-освободительного движения. Усиленно пропагандировалась в открытой или завуалированной форме идея мирового господства английских империалистов, проповедовалась подготовка войны против Советского Союза. Эта фашистская деятельность усилилась в особенности после того, как Мосли стал подражать методам Гитлера.

Под покровительством консервативной партии, реакционной печати, известной части титулованной знати и монополистического капитала «Британский союз фашистов» быстро разрастался. Мосли вербовал сторонников преимущественно из деклассированной молодежи, из мещанской среды (мелких торговцев, разоряющихся кустарей, мелкого чиновничества), отчасти из безработных. «Они, – пишет Мэллали, – стекались к нему тысячами – разочарованные антисемиты, озлобленные правые интеллигенты, ренегаты и неудачники левых направлений, буржуазные дамы-«патриотки», дюжие пустоголовые кретины из университетов и школ... бывшие унтеры и офицеры из охраны концентрационных лагерей». Аристократическое студенчество в немалой своей части вместе с некоторыми профессорами записывалось в чернорубашечные отряды и становилось его телохранителем.

Мэллали рисует картину преступной деятельности британских фашистов. Он описывает типичные для фашизма митинги и собрания, парады и смотры. Он рассказывает, как, следуя немецко-фашистским образцам, английские фашисты избивали всех с ними не согласных.

Но нарисованная Фредериком Мэллали картина отличается – отнюдь не случайно –

неполнотой. Как ни странно, Мэллали уподобился тому крыловскому персонажу, который в кунсткамере «слона-то и не приметил».

Мэллали ничего или почти ничего не говорит об антисоветской пропаганде британского фашизма. Неужели он об этом ничего не знает? Нет, знает. В одном месте он сам пишет о позиции Мосли по вопросам внешней политики: Мосли считал, что «любой ценой следовало уберечь Англию от такого безумия, как война с нацистской Германией. Главный враг – Россия»... (стр. 113).

Да, для британского фашизма, мечтающего о мировом господстве Англии, об увековечении колониального гнета над всеми континентами, самым опасным, самым ненавистным врагом была и есть Советская страна – оплот демократии и свободы. Мосли этого нисколько не скрывал, об этом он кричал на всех перекрестках. Стремление к мировому господству и вражда к СССР, как мы знаем, были стержнем политике Мосли. Ныне это – общезвестная истина даже для малолетних. Но и перед второй мировой войной это было известно всем сколько-нибудь разбирающимся в политике людям.

Мэллали нельзя причислить к малолетним политикам. Но он и теперь – после второй мировой войны, после того как фашизм разоблачен и в самой своей сущности и во всех формах – замалчивает в истории британского фашизма важнейшую его черту: стремление к мировому господству и порабощению народов Европы и Азии. Случайность это не назовешь, как не случайно и то, что Мэллали отказывается от подробного и внимательного исследования империалистических источников британского фашизма и старательно описывает лишь его внешние проявления.

На первом этапе деятельности «Британского союза фашистов» одним из ближайших приспешников Мосли, его «правой рукой», был руководитель отдела пропаганды Б. С. Ф. Уильям Джойс – «идеолог» английского фашизма, английское издание Геббельса. Он возглавлял среди английских фашистов группу (впоследствии отколовшуюся от Б. С. Ф.), которая всецело ориентировалась на Гитлера и являлась его тайной агентурой. Цель этой группы состояла в том, чтобы способствовать германскому фашизму в завоевании Англии, подготавливать внутри страны «пятую колонну». Главным среди этих агентов Гитлера был Джойс. Разумеется, он скрывал эту сторону своей деятельности. Он яростно громил иностранцев, «изобличал» английских коммунистов в том, что они якобы получают указания из Советского Союза; он был на словах самым рьяным английским националистом, сторонником «сильной Англии»... А в действительности он был наемником фашистской Германии, изменником, предателем своей страны. Когда началась война между Германией и Англией, Джойс бежал в Берлин, стал помощником Геббельса и под кличкой лорда Хау-Хау ежедневно по радио осыпал Англию бранью, угрозами, требовал уничтожения британского могущества, яростно призывал английский народ к войне в союзе с фашистской Германией против Советского Союза.

После разгрома немецко-фашистских войск Джойс попал в руки английских властей. Его судили, он был казнен. Такая же участь постигла его сообщника Эмери, британского фашиста на немецкой службе, сына известного английского государственного деятеля, виднейшего консерватора. Надо пожалеть о том, что Мэллали не поставил своей задачей проследить более тщательно связи изобличенных английских предателей и шпионов с верхами английской аристократии. А между тем он сам требует в книге, чтобы эти связи были раскрыты до конца. Он пишет, например, о реакционном клубе капитана Рэмзи, созданном примерно за год до войны:

«Он насчитывал около 375 членов, из которых многие обладали влиянием и властью и в большинстве своем были либо убежденными фашистами, либо их горячими сторонниками. Восьмым в списке членов стояло имя Уильяма Джойса. Членом клуба состоял, например, американский предатель Тайлер Кент (приговоренный 7 годам тюремного заключения за шпионаж) и Анна Волкова, осужденная в ноябре 1940 г. за попытку переслать шифрованное письмо некоему «Джойсу в Берлин». На большинстве закрытых заседаний клуба почти всегда председательствовал покойный герцог Веллингтонским. Капитан Рэмзи, как помнят

многие, был арестован в мае 1940 г. согласно закону об охране государства. По его словам, клуб перестал функционировать с началом войны, но его члены продолжали встречаться неофициально (Тайлер Кент вступил в клуб фактически через несколько месяцев после начала войны). Среди документов, конфискованных полицией в мае 1940 г., был полный список членов клуба. В период 1940–1945 гг. правительство, в котором тон задавали консерваторы, противилось всем требованиям опубликовать эту пресловутую «Красную книгу» о членах клуба. Следует надеяться, что нынешнее правительство в конце концов станет придерживаться менее ограниченных взглядов на свои обязанности в отношении миллионов лояльных подданных, отдавших все свои силы на войну против фашизма» (стр. 114–115). Между тем некоторые из высоких покровителей Мосли фактически разоблачены материалами Нюрнбергского процесса, в частности докладом Гаусгофера Гитлеру от 12 мая 1941 г., носящим многозначительное название «Английские связи и возможности их использования». В докладе названы лица, на которых рассчитывал Гесс, отправляясь в свой пресловутый полет. Первыми значатся фамилии герцога Гамильтона, лорда Дунгласа, бывшего личного секретаря Невиля Чемберлена и заместителя министра иностранных дел в правительстве Черчилля, помощника министра авиации в правительстве Черчилля Гарольда Бальфура, бывшего помощника министра просвещения Кеннета М. Линдсея и других. Эта группа молодых консерваторов была связана через герцога Гамильтона с влиятельной группой консерваторов старшего поколения – с лордом Дерби, с бывшим министром по делам колоний в переходном правительстве Черчилля Оливером Стэнли и с семьей Асторов. Почти все эти лица имели контакт с бывшим английским послом в США Галифаксом, с которым Гаусгофер находился в близких отношениях. Немцы имели связь также с помощником министра иностранных дел Бальфуром, с бывшим послом в Испании Сэмюэлем Хором и с бывшим послом в США лордом Лотианом.

Другие лица, на которых имели в виду опереться немецкие фашисты, принадлежали, по словам Гаусгофера, к группе молодых империалистов, называемой «Раунд тейбл». Немцы рассчитывали даже на группу директоров министерства иностранных дел Великобритании, наиболее видными из которых были бывший руководитель департамента Средней Европы Стрэнг и бывший руководитель юго-восточного департамента О’Мелли. По мнению Гаусгофера, всех этих лиц можно было склонить к заключению соглашения о сепаратном мире между Англией и Германией.

Фашистам покровительствуют лорд Шервуд – личный друг Мосли, лорд Куибелл. Высоких покровителей Мосли и его сподручных можно найти в рядах так называемой «Группы имперской политики», образованной в английском парламенте правыми консервативными депутатами в 1933 г. и возглавляемой лордом Берти-оф-Тейм, лордом Филлимором, лордом Менсфилдом, графом Глазгоу и другими. Политическое направление этой группы, переименованной в 1942 г. в комитет, достаточно известно. Во время войны выпускаемый ею бюллетень «Ревью офф уорлд афферс» был рупором геббельсовской пропаганды, он агитировал против сотрудничества Англии с Советским Союзом и выдвигал идею сепаратного мира с Германией. Редактор этого бюллетеня Кеннет де Курен, являющийся, так сказать, главным теоретиком и публицистом комитета, до войны поддерживал непосредственную связь с Муссолини, Лавалем и другими фашистскими главарями и их агентами.

Книга Мэллали вышла в 1946 г. С тех пор ничего в этом отношении не изменилось. Скромные надежды автора, выраженные с такой филистерской робостью, не оправдались. «Красная книга» о предательстве влиятельных кругов английской аристократии не опубликована и лейбористским правительством. Некоторые британские фашисты занимают положение, которое дает им возможность продолжать прежнюю работу. Удивляться ли тому, что в британской зоне оккупации Германии видные немецкие фашисты продолжают пользоваться влиянием и властью в концернах и общественных организациях!

Коснувшись пресловутого клуба капитана Рэмзи, где аристократические заговорщики против независимости Англии сходились с агентами гитлеровской Германии, Мэллали

обходит молчанием другие реакционные организации, прикрывавшие «патриотическими» декларациями фактическое сотрудничество с немецкими фашистами во время войны. Мэллали ничего не говорит о клайвденской клике, неустанно пропагандировавшей сепаратный мир с гитлеровской Германией во имя «крестового похода против большевизма». Он ничего не говорит о группе «Имперской политики». Он ничего не говорит о позиции журнала «Найнтинсенти энд афтер». Мы не знаем, был ли Войт, редактор этого журнала, членом клуба капитана Рэмзи, был ли он другом Джойса при жизни последнего, но он был верным рупором его во время войны. Между выступлениями Джойса в Берлине против Советского Союза и статьями Войта в Лондоне не было никакого различия. Они делали общее дело.

Разумеется, не все английские фашисты в период войны были агентами Гитлера. Но все они были врагами демократии и свободы народов и ратовали за упрочение и расширение господства английских империалистов над миром. Эти фашистские мракобесы вполне солидаризировались с реакционерами из других партий, которые, так же как и они, были заинтересованы в усилении британского империализма и ослаблении сил демократии и прогресса. Мэллали говорит о помощи, оказывавшейся фашистам влиятельными кругами британских промышленников, но говорит весьма неполно, не доводя своего исследования до конца. Он называет с точностью и определенностью только одно имя – лорда Ротермира.

Но Ротермир был не единственным крупным газетным издателем, поддерживавшим Мосли: «Время от времени и другие крупные газеты, – говорит Мэллали, – разражались хвалами по адресу Б. С. Ф...». (стр. 81).

У колыбели британского фашизма, как и у колыбели итальянского и германского фашизма, стоял крупный промышленный и банковский капитал. Кто же те промышленники, которые дали Мосли средства для деятельности его организации? Зачем давали они эти средства?

Вот вопросы, имеющие не только исторический интерес. Это весьма актуальные, злободневные вопросы. Однако Мэллали чрезвычайно бегло задевает эту тему, вернее – обходит ее сторонкой. Вот все, что мы узнаем от него:

«Всякому новому политическому движению, помимо поддержки в печати, нужны деньги, много денег. Вот тут-то Мосли имел случай использовать расположение, которое определенная группа капиталистов выказывала по отношению к фашизму, где бы он ни поднял голову. Ряд крупных промышленников еще в дни «Новой партии» начал щедро субсидировать развитие фашизма в Англии. Некоторые из них, притом самые видные, прекратили свою помочь через год – другой после основания Б. С. Ф.; но еще в конце 1936 г., в интервью для «Джорнale д’Италия», Мосли заявил, что по-прежнему «получает поддержку от английских промышленников». Более того, он сказал, что «ряд промышленников северной Англии, до сих поддерживавших его тайно из опасения бойкота их товаров, теперь открыто признает свое единство с фашистами». А когда перед самой войной у Уильяма Джойса спросили, «правильно ли будет сказать, что крупный капитал оказывает фашистам финансовую поддержку?» – этот, ныне, к счастью, уже повешенный предатель ответил одним словом: «Да», (стр. 84).

О важности этого свидетельства Мэллали нет нужды говорить. Характерно и то, что эта преступная связь между крупными промышленниками и государственными изменниками не подвергалась правительству расследованию ни при консервативном правительстве, ни при лейбористском. Если «Красная книга» об отношениях между фашистами и аристократическими кругами не была опубликована, то об отношениях между фашистами и промышленниками и публиковать нечего: нет такой книги. В эту сторону следственные власти боялись даже кинуть взгляд и перед войной, и во время войны – когда все же пришлось арестовать Мосли и некоторых его сторонников, – и после войны, когда перед английским судом предстали Джойс, Эмери и другие изменники. Имена покровителей,

пособников, финансовых опекунов Мосли? Молчание, анонимность! И Мэллали не смог нарушить этот заговор молчания.

А между тем некоторые имена хорошо известны. Они не раз были названы в печати. Это Детердинг, наиболее влиятельный представитель британского нефтяного империализма. Это Монд, король химического концерна, виднейший руководитель британской империалистической политики. Достаточно этих двух имен, чтобы вскрыть подлинный характер британского фашизма как наиболее реакционной формы британского империализма. Становятся понятны и те мотивы, которые побуждали магнатов английского монополистического капитала оказывать поддержку бандитам Мосли.

Мэллали пробует перечислить эти мотивы. Это, во-первых, борьба Мосли против коммунизма. Это, во-вторых, борьба Мосли против профсоюзов, его план подчинения всего рабочего класса диктатуре «корпоративного» государства.

Наличие этих мотивов у английских капиталистов, оказавших поддержку фашистам, нельзя оспаривать. Но это не все мотивы. Это даже не важнейшие мотивы. В империалистической внешней политике английские фашисты, в полном согласии с королями нефти и химии, преследовали не оборонительные, а наступательные цели – захват чужих рынков, захват мирового рынка. Это превосходно понимали британские империалисты. Один из них писал в газете «Ивнинг ньюс»:

«Чернорубашечники появились как раз в нужный момент. Рыкающий британский лев дней Пальмерстона стал мурлыкающей кошкой благожелательного интернационализма».

Однако после 1937 г. ясно обозначается упадок британского фашизма. Чем он был вызван? В чем он выразился?

Он выразился прежде всего в том, что Мосли внешне присмирел. После ряда столкновений между фашистами и рабочими на улицах Лондона, кончившихся поражением Мосли и его шайки, он стал менее заносчив. Его организация как бы ушла в себя. Она продолжала интенсивную деятельность, вербовала новых сторонников, но провокаторские выходки сократились. Бандитская хроника фашизма побледнела.

Обозначились внутренние раздоры в руководстве фашистской партии. Смысл разрыва между Мосли и Джойсом стал вполне ясен лишь позже, когда вспыхнула война между Германией и Англией, а Джойс исчез, чтобы неожиданно вынырнуть в Берлине. Но передвойной для многих оставалось непонятным, почему Джойс вышел из «Британского союза фашистов» и основал свою «Национал-социалистскую лигу» и почему от Мосли отвернулись некоторые его влиятельные покровители.

Основную причину этого раскола среди британских фашистов и внешнего упадка фашистского движения Мэллали усматривает в том, что заимствованные из Италии и Германии формы прямого и грубого физического насилия, погромы и избиения оказались чужды нравам и привычкам большинства английского народа. По этой же причине английские рабочие дали фашистам сплоченный и внушительный отпор. Мосли как бы отступил перед английской демократией.

Доля правды в этом есть, но только доля. Вся Правда – в той политической обстановке, которая сложилась в международных отношениях перед второй мировой войной. На этом Мэллали останавливается по своему обыкновению лишь мимоходом и вскользь. Приходится за него дорисовывать картину.

Картина эта называется «Мюнхен». Нечего и говорить о том что Мосли ревностно поддерживал мюнхенскую политику консервативного правительства. Однако последствия Мюнхена внесли политическую тревогу в различные круги английского общества. События начали складываться не так, как предполагали некоторые близорукие английские политики: они рассчитывали использовать гитлеровскую Германию для войны против Советского Союза в интересах английского империализма, а оказалось, что Гитлер рассчитывает использовать английскую реакцию для войны против Франции. Советского Союза, всей Европы, в интересах германского господства над всем миром. Идти последовательно по мюнхенскому пути – значило идти прямо в вассалы германского империализма. Не к этому

стремились заправилы английского монополистического капитала, когда поощряли германский, итальянский и английский фашизм. Они сами стремились к мировому господству.

С другой стороны, они вынуждены были считаться с мнением английского народа, а подавляющее большинство английского народа не хотело войны против Советского Союза и враждебно относилось к гитлеровской Германии. Английский фашизм, обнаружив свой германофильский, антисоветский облик, вооружил против себя больше всего рабочий класс Англии. Этим в первую очередь и объясняется тот отпор, который был дан рабочим классом Англии фашистским провокациям.

Когда началась война против фашистской Германии, британский фашизм не мог выступить с открытым забралом. Под фашистским знаменем нельзя было вести английский народ на войну против немцев. В этих условиях британский фашизм временно оказался не у дел. Мало того, в военной обстановке он компрометировал даже мюнхенцев, которые перестраивались и перекрашивались на ходу.

Война разоблачила Мосли и его сторонников. Под давлением масс, стремившихся к разгрому черных сил фашизма, Мосли был арестован. Но затем он был освобожден лейбористским министром внутренних дел Моррисоном и получил полную возможность возобновить свою деятельность.

Какая участь постигла его партию? Вместе с Мосли были арестованы многие его сообщники. Но следствие коснулось только непосредственных участников фашистского заговора, хотя виновной была по существу вся партия Мосли. Свыше 600 фашистов было освобождено. Следствие почтительно обошло стороной влиятельных покровителей из титулованной знати и из промышленной и финансовой буржуазии. Были сохранены и основные фашистские кадры. После войны «Британский союз фашистов» распущенный в 1942 г., восстанавливается под вывеской издательства Мосли на первых порах как организация по распространению фашистской литературы, благо лейбористское правительство относится к этой литературе с добродушной терпимостью. Фирма «Издания Мосли» выпускает ежемесячный бюллетень «Мосли ньюс леттер», в котором обливает грязью демократию, рабочее движение. Советский Союз.

По выходе из тюрьмы Мосли заявил: «Мои политические убеждения отнюдь не изменились». Он не собирается отказываться и от политической деятельности. Он издал книгу «Мой ответ» – английский перепев «Моей борьбы» Гитлера. Правда, в этой книге он еще не афиширует своей прямой солидарности с Гитлером. Откровеннее он во второй книге «Альтернатива», вышедшей в октябре 1947 г. Он считает, что политические намерения Гитлера были правильны, но, возложив борьбу против демократии на одну Германию, Гитлер совершил грубую ошибку, вместе с тем Мосли «модернизирует» свои задачи. Теперь он вместе с Черчиллем за «западный блок». Он не противопоставляет себя английским консерваторам, а смотрит на себя как на самого последовательного выразителя англо-американского империализма. Мосли уклоняется от прямого ответа на вопрос об организации его собственной партии. Он предпочитает временна развивать нелегальную фашистскую деятельность под легальным прикрытием «клубов книги». Официально он пока только «издатель». Но от его имени действуют прямые погромщики, возвещающие скорое возвращение Мосли к активной политической жизни. Мосли остается главарем всех фашистских группировок в Англии.

Конечно, слово «фашизм» скомпрометировано. Его пока избегают. Но уже и сейчас в Лиге бывших военнослужащих объединяются люди, которые по всему своему облику ничем не отличаются от бывших фашистов. Возрождается «Британская народная партия», возглавляемая герцогом Бедфордским, автором многочисленных фашистских брошюр, выступавшим во время войны за сепаратный мир с Гитлером. По сообщению «Ньюс кроникл», число ее членов составляет несколько тысяч человек. Ее устав во многих отношениях совпадает с уставом бывшей фашистской организации.

Лидеры этой партии утверждают, что основным принципом партии является создание

«объединения стран, говорящих на английском языке».

Продолжает существовать созданная в 1944 г. под председательством герцогини Аттольской «Лига европейской свободы». Вокруг этого англо-фашистского центра группируется польско-фашистский сброд во главе с Андерсон и Бур-Комаровским.

Возрождаются и появляются также и явно фашистские организации. Такова «Имперская фашистская лига», которая была распущена в 1939 г. В марте 1947 г. ее главарь Арнольд Лия, проповедник расовой теории, вместе с семью своими соратниками был осужден британским судом за организацию побегов немцев-военнопленных. Судебное разбирательство обнаружило существование подпольной фашистской организации.

Начали снова орудовать «Британская лига действия бдительных» и «Союз борьбы за мир». Все они пользуются поддержкой упомянутого уже влиятельного Комитета имперской политики.

Идет усиленная кампания за объединение всех фашистских банд Англии. В частности, уже договорились о слиянии «Союз британской свободы» и «Сыновья святого Георга».

Постепенно английский фашизм переходит от слов к действиям. В Блэкпуле известные в городе деятели профсоюзного движения получили угрожающие анонимные письма с печатью в форме фашистской свастики. Такие же письма с требованием отказаться от политической деятельности получили редактор газеты «Рейнольд ньюс» и лейборист, член парламента Драйберг..

Наконец, в самое последнее время фашисты начали переходить к открытым террористическим актам.

В конце 1946 г. население Ист-энда в Лондоне было взвановано поджогами синагог. На улицах происходили избиения евреев. На стенах домов стали появляться изображения свастики.

В августе 1947 г. в Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме, Лондоне и других городах Англии имели место настоящие еврейские погромы, сопровождавшиеся грабежами и уничтожением имущества. Виновники погромов отделались небольшими денежными штрафами. Это скорее поощрение по суду, чем кара.

Ранним утром 19 октября 1947 г. на помещение руководящих органов коммунистической партии в Бристоле было совершено нападение с применением взрывчатых веществ. Была выбита вся оконная витрина помещения. Взрыв был оглушительный, осколки разбитых стекол разлетелись на 20 футов в стороны. Секретарь коммунистической организации Бристоля Гарри Бурн заявил: «За последние недели это седьмой налет на наше помещение».

Во всех погромах, террористических налетах и хулиганских выходках фашистских молодчиков виднейшее участие принимает «Лига бывших военнослужащих». В сентябре 1947 г. ею были устроены демонстративные митинги в Лондоне. Главари открыто называли себя фашистами, призывали к насильственным действиям против коммунистов и евреев, упражнялись в диких клеветнических выкриках против Советского Союза. Вожак этой черносотенной организации Джейфри Хэмм провозглашал скоры приход Мосли к власти. Участники митингов кричали: «Хотим Мосли!», «Хаиль Гитлер!». На митингах присутствовали немецкие военнопленные.

Лондонская полиция вынуждена была на время запретить фашистские митинги, так как они стали превращаться в жестокие столкновения между фашистами и антифашистами настроенными рабочими. На митинге 18 сентября Хэмму не дали говорить, митинг был сорван, произошли рукопашные стычки между фашистами и рабочими. Арестованы были за «оскорбительные выражения» некоторые фашисты, в их числе и Хэмм, и некоторые антифашисты.

Полицейский суд весьма снисходительно отнесся к Хэмму, который держал себя заносчиво, и освободил его на другой же день, оштрафовав на незначительную сумму. А рабочие-антифашисты были приговорены к различным срокам заключения.

Таким образом, английские фашисты распоязываются все больше и больше, пользуясь

благожелательной снисходительностью и поощрительным бездействием полицейской и судебной власти. Отпор, который они получили от рабочих, показывает, что никакой поддержки в широких массах трудящихся они не имеют. Но они имеют своих влиятельных сторонников в парламенте, в политических консервативных кругах, и правительствах доминионов. Достаточно назвать правительство Южно-Африканского Союза, которое проводит на деле откровенно фашистскую, расистскую политику дискриминации негров и индийцев.

Представители фашистского правительства, возглавляемого Смэтсом, дошли до такого бесстыдства, что выступили открыто в Организации объединенных наций, нарушая ее устав, о защите фашистской расовой политики. На Генеральной ассамблее в ноябре 1947 г. делегаты Южно-Африканского Союза отстаивали свое неограниченное право угнетать бесправное «цветное» население Африки. Они повторяли с трибуны ООН гитлеровские бредни о превосходстве «арийской расы» над всеми другими расами и о призвании «белых» держать в рабстве «цветных». Представители лейбористского правительства поддерживали фашистов Южной Африки. Что удивительного в том, что в одном из доминионов Британской империи, управляемой лейбористами, идет дикий разгром всех демократических организаций!

Английские фашисты ставят своей задачей водворить в самой Англии порядки Южно-Африканского Союза.

Английские фашисты стараются проникнуть на такие предприятия, где имеется возможность развернуть подрывную работу. Газета «Дейли уоркер» раскрыла закулисные махинации в компании воздушных сообщений – крупном капиталистическом предприятии. Среди главарей компании находятся Доновэн, бывший помощник лидера «Британского союза фашистов», Томсон, бывший руководитель этого союза по политическим вопросам. Компания издает бюллетень политического характера. В нем пропагандируется фашистская диктатура как «лучшая форма власти». Самолеты компании совершают рейсы в Испанию и Грецию, и в одном из номеров бюллетеня напечатан фотоснимок, изображающий пилота компании на испанском аэродроме с букетом в руках – дар от «благодарного населения», то бишь испанских фашистов.

Мэллали не описывает деятельности возрождающихся фашистских организаций в Англии. Он ограничивается лишь упоминанием о некоторых из них, отводя для этой цели всего две странички в последней главе своей книги. Тем не менее в этой последней главе, озаглавленной «Гидра вновь зашевелилась», он выступает против тех, кто отделяется от вопроса об опасности «возвращения» фашизма пренебрежительным отношением к нему. Сам он не сомневается в том, что фашизм возродится в Англии под тем или иным именем. Он пишет:

«Из уважения к памяти наших павших друзей мы обязаны со всей серьезностью реагировать на угрозу фашизма, где бы он ни поднимал свою отвратительную голову».

Мэллали полагает, что фашизм возвращается в Англию вместе с оппозицией реакционных кругов нынешнему правительству. Эти реакционные круги стремятся использовать существующее недовольство населения экономическим положением.

«... Оппозиция, – пишет Мэллали. – стремится использовать недовольство, а не выяснить его причины. До войны многие убежденные антисоциалисты, от мелкого лавочника до промышленного магната, поддерживали откровенно фашистское движение не потому, что им нравились чернорубашечники Мосли или его авторитарная программа, но из страха, что консервативная партия, хотя она и была в то время самой могущественной политической силой в Англии, не сумеет помешать силам социализма захватить парламентскую власть» (стр. 124–125).

Мэллали совершенно прав, когда называет взгляды и настроения реакционных кругов Англии фашизмом, хотя многие носители этих взглядов и настроений отрекаются от

клички «фашист». Он говорит «Эти люди – фашисты, хотя это им и невдомек».

Английские фашисты видят в консерваторах своих ближайших союзников. Один из активистов фашистской организации заявил в июле 1945 г. корреспонденту «Рейнольдс ньюс»: «Мы поддерживаем тори, потому что знаем, что наши шансы будут лучше при их правлении. Кроме того, мы знаем, что мир – это только маскировка. Мы верим, что тори считают войну против России неизбежной. Вот почему мы поддерживаем Черчилля».

Чем характеризуется фашистский характер реакции? Мэллали указывает три ее особенности:

«Прежде всего, это расистская теория, обычно претворяющаяся в жизнь в виде неистового антисемитизма. Затем – теория корпоративного государства, которая хоть и существовала задолго до появления современного фашизма, в настоящее время связывается исключительно с ним. И, наконец, – лютая ненависть и презрение к демократии. Человек или организация, разделяющие любую из этих трех теорий, не обязательно сторонник фашизма, но тот, кто разделяет их все, стоит целиком на фашистских позициях».

Ограниченнность этого суждения вытекает прямо из того, что Мэллали ограничивает область фашистской политики исключительно вопросами внутренней жизни Англии. Правда, и книга его называется буквально «Фашизм внутри Англии». Но делается это лишь для того, чтобы скрыть империалистические источники и цели фашизма. Совершенно очевидно, что реакционные круги питают ярную ненависть не только к английской демократии, но и к демократии всех стран, и в особенности к Советскому Союзу – оплоту демократии и прогресса. Эти круги считают важнейшей задачей подготовку агрессивной войны против Советского Союза и стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Эти круги толкают Англию на полное подчинение «долларовому империализму» США, на отказ от самостоятельной внешней политики Англии, на закабаление английских трудящихся масс американскими банкирами, готовыми финансировать любую авантюру, направленную против Советского Союза. Фашисты Англии, служившие до войны гитлеровским агрессорам, ныне служат американским. Игнорировать эту сторону фашистской угрозы – значит просмотреть важнейшую сторону во всем процессе.

Мэллали с полным основанием требует законов против фашизма. «Политическая свобода, – говорит он, – образует существо здоровой демократии, и ее нельзя попирать. С другой стороны, было бы безумием терпеть во имя свободы и демократии движение, стремящееся к полному уничтожению и свободы, и демократии. Привилегии ассоциаций должны, по логике вещей, принадлежать лишь тем, кто хочет поддерживать эти привилегии». В этом заявлении Мэллали выражены настроения широких кругов английской общественности, встревоженных активизацией фашистских элементов.

В различных городах Англии рабочие стали выступать с прямыми требованиями, обращенными к правительству, покончить с разнуданностью фашистских погромщиков. 17 сентября депутатия Лондонского совета профсоюзов посетила министра внутренних дел Чатера Ида и вручила ему протест против активизации фашистской деятельности в Лондоне.

Депутация заявила, что члены профсоюзов и рабочее население Лондона глубоко обеспокоены серьезной угрозой демократии и рабочему движению, которую представляет активизация фашизма в последнее время. В заявлении сказано: «Лондонский совет профсоюзов не может согласиться с той точкой зрения, что численная незначительность фашистских организаций Англии позволяет мириться с их деятельностью или же что приверженность принципам демократии означает предоставление свободы слова и демократических прав проповедникам фашизма».

Депутация предложила министру внутренних дел принять следующие меры:

- 1) запретить фашистские митинги в Лондоне;
- 2) преследовать судебным порядком лиц, ответственных за фашистские подстрекательства к насилию и беспорядкам;

- 3) ввести законодательство, ставящее все фашистские организации и их деятельность вне закона;
- 4) запретить антисемитизм;
- 5) снова посадить Мосли в тюрьму.

Чатер Ид ответил на эти требования опубликованием официального сообщения, в котором он заявил, что существующий, закон будто бы не дает ему прав преследовать фашистов, покуда они не совершили уголовно наказуемых преступлений.

За профсоюзными организациями с протестами стали обращаться муниципальные советы различных районов Лондона и различных городов Англии. К министру внутренних дел обратилась депутация от 12 тысяч лондонских машиностроительных рабочих с требованием немедленного освобождения всех арестованных участников антифашистских демонстраций и заключения в тюрьму всех фашистов, которые по статье 18-Б закона об охране государства (отмененной после войны) подлежат преследованию как предатели.

Под давлением общественного негодования, охватившего широкие круги рабочего класса, вопрос об угрозе фашизма в Англии обсуждался в конце сентября Национальным советом труда, составленным из представителей Исполкома лейбористской партии. Генерального совета британского конгресса трэд-юнионз, парламентской фракции лейбористской партии и кооперативного союза. Прения не были опубликованы. Обозреватель агентства Рейтер Роберт Ллойд сообщил, что Национальный совет труда не принял решения потребовать от правительства издания закона, запрещающего деятельность фашистских организаций. Было решено лишь настаивать на «более строгих инструкциях полиции в отношении борьбы с фашистским хулиганством и подстрекательством к насилию».

Это половинчатое решение не удовлетворит, конечно, рабочую массу. Но ничего другого и нельзя ждать от организаций, поддерживающих правительство, которое в угоду международной реакции и англо-американским поджигателям войны открыто нарушает международные соглашения, принятые в Крыму и в Потсдаме, об уничтожении остатков фашизма в Германии и в других странах, где фашизм праздновал сплошные кровавые оргии.

Борьба рабочих с фашизмом в Англии продолжается и будет принимать все более острые формы по мере все большей активизации фашизма. Эта борьба концентрируется вокруг вопроса о введении законов, воспрещающих деятельность фашистов, как противоречащую в самом корне принципам демократии.

Однако, как ни важны законы, преследующие всякие проявления фашизма, одни они не решают вопроса. Подлинная демократия требует уничтожения источников фашизма. Но как раз об уничтожении источников фашизма почти ничего не говорит книга Фредерика Мэллали. Нарисовав весьма неполно и односторонне угрозу фашизма в Англии, Мэллали столь же неполно и односторонне рассматривает вопрос о борьбе с фашизмом, сводя его к мерам судебных и полицейских репрессий.

В последней главе, пытаясь определить, в чем заключается опасность фашизма, автор пишет: «Сила фашизма не в личности какого-нибудь одного человека, не в живучести какой-нибудь одной партии: она заложена в самой доктрине фашизма, в доктрине, направленной на то, чтобы пробудить к жизни жестокость, расовое самодовольство и нетерпимость, имеющиеся во всяком обществе, и использовать эти дикарские инстинкты для достижения своих политических целей» (стр. 123). Автор умалчивает, кто же именно использует эти инстинкты «в своих политических целях». Тут-то и проявляются вся слабость и внутренняя порочность концепции автора. Он концентрирует все оное внимание – и внимание читателя – на внешних проявлениях фашизма и ссылкой на «вечные», «общечеловеческие» свойства, «имеющиеся во всяком обществе», уводит в сторону от конкретно исторического понимания сущности фашизма. Действительная опасность фашизма в наши дни состоит в том, что в капиталистических странах именно финансовая олигархия, опасающаяся за свое господство, с холодным расчетом разжигает и использует упомянутые автором жестокость и расовое самодовольство в своих политических целях:

Именно она, при помощи фашистов, играет на мелких страстишках и невежестве мещанской молодежи. Об этом не вспоминает автор, пытаясь в главе II («Что привело их к Мосли») объяснить мотивы вступления известной части этой молодежи в отряды чернорубашечников, и потому-то так неубедительно и однобоко звучат его объяснения.

Книга заканчивается призывом к рабочему классу Англия вести непримиримую борьбу против фашизма. Она возлагает надежды на «социализм» лейбористской партии, но надежны и призыв беспочвенны, если им не сопутствует решительная политика борьбы с реакцией во всех видах. Можно ли назвать решительной такую политику, которая, как это мы видим в книге Мэллали, обходит важнейшую сторону в британском империализме – его внешнюю политику, совершенно однородную и при правительстве Черчилля, и при правительстве Эттли?..

Книга Мэллали заслуживает внимания потому, что в ней собраны интересные факты, и потому, что она сигнализирует о угрозе «возвращения» фашизма, который, впрочем, и не сходил со сцены. Но она, как уже указывалось, требует и острого критического отношения к себе.

Факты, собранные в книге, убедительно и неопровергимо говорят о том, что до войны фашизм в Англии был обезврежен лишь в той мере, в какой он столкнулся с единодушием рабочего класса. Влиятельные покровители фашизма не могли помочь ему, когда колонны рабочих вышли на улицы и площади Лондона и преградили путь фашистскому маршу. Это был сильнейший удар по фашизму. После этого Мосли и его банда отказались от демонстративных, открытых выступлений и укрылись в аристократическо-капиталистическом подполье, в законспирированных клубах и в богатейших поместьях, подобных Клейвдену – имению лэди Астор. Оттуда они старались всеми нечистыми средствами сорвать победу союзников, занимались шпионажем и саботажем.

Единство рабочего класса и ныне, после войны, является основным средством, которое может связать руки фашизму. Этот вывод напрашивается сам собой из книги Мэллали.

Деятельность, направленная к расколу рабочего класса, тем самым является прямой помощью фашизму. Однако именно в этом направлении ведется предательская политика правых руководителей лейбористской партии; в этом же направлении действует «независимый» журнал «Трибюн».

Д. Заславский.

Глава 1 «Хайль, Мосли!»

Освальд Мосли родился 16 ноября 1896 г. в старой аристократической семье. Родовое поместье Мосли находилось в Ролстоне, в графстве Стаффордшир, их фамильный девиз: *Mos legem regit* («Обычай правит законом»).

Один из представителей семьи Мосли рассказывает в своих мемуарах, что в начале семнадцатого века некий сэр Николас Мосли пытался огородить земли в Коллихерсте, близ Манчестера, но виднейшие из горожан воспротивились этой попытке. В 1629 г. на ролстонских Мосли были поданы жалобы, и парламент вынес им осуждение за «угнетение, беззакония и сутяжничество». Семь лет спустя тот же Мосли угрозами пытался заставить фригольдеров (крестьян-землевладельцев) в Ютокситере согласиться на огораживание Хайвуда, которое в конце концов было «осуществлено силой».

Помимо Ролстонского поместья в 3800 акров (около 1500 га) и 300 акров усадебной земли, у Мосли были поместья в Коллихерсте и в Анкотсе, ставшем ныне трущобным районом Манчестера.

В своей книге «Чернорабочий» Дж. Л. и Б. Хеммонд пишут:

В 1596 г. некий м-р Освальд Мосли... купил за 3500 фунтов стерлингов землю, на которой теперь стоит Манчестер. В 1846 г. город Манчестер купил у сэра Освальда Мосли замок и все права и привилегии за 200 тыс. ф. ст. Еще в 1808 г. город мог бы приобрести их за 90 тыс. фунтов.

Мосли получил образование в Уинчестерской школе и в Королевском военном училище в Сандхерсте.

Вот как характеризует юного Мосли один из его сверстников:

«Он был развит не по годам, нетерпелив, преисполнен презрения к большинству своих сверстников и гедонист до мозга костей. С этими качествами он поступил в Сандхерст, где проявил, кроме того, нелюбовь к дисциплине».³

Биограф Мосли, фашист А. К. Честертон, пишет в своей книге «Портрет лидера», что сэр Освальд не ладил с отцом, но был очень дружен с дедом. В 1916 г., по смерти деда, Мосли досталось от него в наследство 600 тыс. ф. ст. и львиная доля земель стоимостью в 274 тыс. ф. ст. К этому огромному состоянию прибавилось в 1920 г. второе, когда Мосли женился на дочери покойного маркиза Керзона Кедастонского – красивой и умной лэди Цинтии Керзон. Сомнительно, смог ли бы Мосли так широко развернуть свою антисемитскую пропаганду, если бы не трагическая смерть его жены, последовавшая в 1933 г.: в ней текла еврейская кровь (она была внучкой чикагского миллионера Леви Цейглер Лейтера).

В октябре 1914 г. Мосли окончил военное училище и служил во Франции, сначала в 16-м уланском полку, а затем в воздушных силах. При авиационной катастрофе он повредил себе ногу и на всю жизнь остался хромым. Подобно Гитлеру и Муссолини, Мосли после войны 1914–1918 гг. увлекся политикой; подобно им, он впоследствии использовал свою службу в действующей армии как главный аргумент в своих демагогических обращениях к бывшим фронтовикам; но в отличие от них, он для начала связал свою политическую карьеру с судьбами партии, стремившейся к сохранению старого порядка, – партии, высоко вознесшейся на гребне послевоенной волны общенационального оптимизма. В декабре 1918 г., двадцати двух лет, он прошел в парламент как депутат консерваторов от Харроу и следующие пять лет, по словам одного из его биографов, «растерянно бродил по коридорам «твердолобого» парламента».

Он надеялся, что знатное происхождение в сочетании с недюжинными ораторскими и организаторскими способностями, которые он уже успел проявить, позволят ему быстро выдвинуться. Но вскоре он понял, что величайшая ошибка, какую может допустить молодой член «глупой партии», – это преждевременно обнаружить признаки сметливости и политической активности. В 1920 г., выступая по ирландскому вопросу, он швырнул первый камешек в правительство (высказав опасение, что жестокие репрессии против синфейнеров приведут к выходу Ирландии из состава империи) и на всеобщих выборах 1922 г., выставив свою кандидатуру в Харроу как «независимый», собрал на 7 тыс. голосов больше, чем его противник – консерватор. Хотя впервые фашистские взгляды проявились уже в предвыборных речах Мосли, относящихся к 1922 г., однако можно сказать, что до 1924 г. он интеллектуально и политически барахтался, не определив еще своего политического направления. Но в начале 1924 г., когда Макдональд сформировал свое первое лейбористское правительство, Мосли сразу проникся «интересом» к простому народу и восхищением к людям, от которых зависели политические карьеры.

Весной 1924 г. он заявил о своей приверженности лейбористской партии, и в 1926 г. прошел на дополнительных выборах в Сметвике как депутат лейбористов.

³ «Ивнинг стандарт», 20 сентября 1932 г.

Нельзя сказать, чтобы вначале путь Мосли-«социалиста» был усыпан розами. Этот средний этап его политической карьеры дался ему особенно трудно: он испытал и нападки разгневанных представителей своего класса, и издевательства ранее расположенной к нему консервативной печати, и холодно-сдержанное отношение со стороны новых соратников. Немало неприятностей доставила ему и собственная семья, в особенности отец. Выступая на предвыборном собрании в Сметвике, молодой Мосли заявил, что, по его мнению, титул его отца не стоит того, чтобы его наследовать. «Моя жена и я, — писал он позднее, — вполне сознательно решили отказаться от наших титулов. Я никогда не воспользуюсь титулом баронета, который унаследую от отца». ⁴ После этого заявления Мосли старший послал в печать гневное письмо, в котором ругал своего способного сына за то, что тот «всю свою жизнь не занимался честным трудом», несмотря на то, что «я годами платил тысячи фунтов из своего кармана на его образование и содержание». Далее он высказывал мысль, что «эти социалисты — мой сын и невестка — принесли бы стране больше пользы, если бы не гнались за дешевой рекламой, толкуя об отказе от своих титулов, а отказались от части своего богатства и тем облегчили бы материальное положение кое-кого из своих менее обеспеченных последователей». ⁵ В 1928 г., по смерти отца, Мосли решил, что от титула, который в свое время «не стоил того, чтобы его наследовать», теперь «не стоит отказываться». ⁶

Уже тогда многих из его партийных коллег смущало своеобразное толкование им доктрины социализма. Было очевидно, что он либо не читал Маркса, либо читал его, но решительно отверг положение о материалистической и революционной основе классовой борьбы. Он делал упор на мистическое содержание социализма, считая его «не столько политическим, сколько религиозным учением». ⁷ Он объяснял удивленным социалистическим аудиториям, что сперва ему мешало присоединиться к лейбористам незнание и боязнь истинной природы их движения. «Но теперь, — продолжал он, — стало совершенно ясно, что лейбористы не намерены осуществлять какие-либо внезапные революционные перемены, которые могли бы оказаться гибельными». ⁸

Не способствовали моральному воспитанию рядовых членов лейбористской партии и его утверждения, будто повышение курса акций доказывает прогрессивность мероприятий лейбористского правительства. ⁹ Впрочем, по справедливости следует признать, что и кроме Мосли в правительстве Макдональда были социалисты, не вполне согласные с Марксом и Киром Гарди. ¹⁰ Но, несмотря на эти нетактичные высказывания, Мосли все же начал пробивать себе дорогу к министерскому посту во втором лейбористском правительстве.

⁴ «Дейли грэфик», 13 апреля 1926 г.

⁵ «Дейли мейл», 12 апреля 1926 г.

⁶ «Сандей экспресс», 23 сентября 1928 г.

⁷ «Дейли геральд», 2 апреля 1924 г.

⁸ «Дейли геральд», 2 апреля 1924 г.

⁹ «Манчестер гардиан», 28 апреля 1924 г.

¹⁰ Кир Гарди — виднейший деятель английского рабочего движения. Реформист. Один из основателей «Независимой рабочей партии» — «независимой, по словам Ленина, от социализма и зависимой от либералов». Теоретические познания К. Г. в области социализма весьма ограничены. Тот факт, что автор ставит рядом Маркса и Кира Гарди свидетельствует либо о непонимании им существа марксизма, либо о сознательном стремлении уменьшить значение последнего. (Прим. ред.)

В то время в Англии уже возникло фашистское движение. Первые фашистские организации вдохновлялись походом Муссолини на Рим и были предшественниками «Британского союза фашистов».

Первую английскую организацию, которую мы теперь назвали бы фашистской, основал в 1901 г. некий капитан Уильям Стэнли Шоу. Именовалась она «Лигой британских братьев», и основной ее целью было добиться закрытия английских портов для «тысяч неимущих иммигрантов», «отнимающих у англичан кусок хлеба». Лига, куда был открыт доступ для всех прирожденных англичан, разумеется, исповедовала ярый антисемитизм и выпускала пропагандистские издания, в которых про лондонский Ист-энд говорилось, что он «быстро превращается в свалку всей Европы». Лига была организована на военный лад: каждые ее десять членов находились под началом «командира роты» каждые десять командиров роты – под началом «командира батальона». Еще выше стояли два начальника штаба, а на самом верху иерархической лестницы – исполнительный комитет и командующий лигой. У Уильяма Шоу не было никакой творческой национальной программы, поэтому он не завоевал широкой поддержки, на которую рассчитывал, и за недостатком «командиров» был вынужден перевести свою организацию на гражданские рельсы. И все же в то время его пропаганда «охватила восточную часть Лондона подобно лесному пожару» и привела к назначению в 1902 г. королевской комиссии по вопросам иммиграции.

Начало фашистского движения в подлинном смысле этого слова следует отнести к маю 1924 г., когда мисс Р. Л. Линтон-Орман, дочь майора Линтон-Ормана и внука фельдмаршала сэра Линтона Симмонса, основала акционерное общество «Британские fascist!».¹¹ В 1923 г. мисс Линтон-Орман, до тех пор «понятия не имевшая о политике», с ужасом узнала об отправке лейбористской делегации в Гамбург на конференцию социалистической партии и о тенденции лейбористов «к интернационализму и классовой борьбе». Ей пришло в голову поместить в какой-нибудь еженедельной газете предложение основать организацию под названием «Британские фашисты». В ответ посыпались заявления о приеме в члены и денежные взносы, и в июне 1923 г. была выпущена первая программная декларация. Новая организация ставила себе целью «возродить дух здорового и сознательного патриотизма; поддержать существующую конституцию и препятствовать распространению коммунизма и большевизма». В манифесте, изданном в ноябре 1925 г., она называла себя «организацией граждан-патриотов, которые предоставляют свои средства в распоряжение конституционного правительства для поддержания закона и порядка и смогут противостоять – в случае крайней необходимости даже силой – всякой попытке революции, имеющей целью насилиственное свержение британской конституции и империи». В манифесте говорилось также о намерении проводить «суровые меры против нелояльных элементов», добиться закрытия коммунистических воскресных школ и отмены пособия по безработице, а также «поддерживать основной принцип свободы слова при условии, что эта свобода не будет использована для подстрекательства к мятежу» (!).

Первый председатель общества лорд Гарваг подал в отставку в начале 1924 г., «потому что жил слишком далеко от Лондона», и его пост занял бригадный генерал Р. Б. Д. Блекни. В правление вошли сэр Артур Гардинг, депутат парламента полковник сэр Чарльз Бэрн и несколько «известных представителей деловых кругов».

Вначале около шестой части всех членов общества (которых в августе 1924 г. насчитывалось свыше 100 тыс.) составляли женские отряды, возглавляемые миссис А. М. Ротон из Фарнборо, графства Гэмпшир, но впоследствии женский элемент «по собственному желанию отступил на второй план». Каждый отряд состоял из семи (или менее) членов под руководством выборного командира, и в задачу их входило «принимать энергичные меры против революционных элементов в своем районе». Согласно программе общества, «при нормальных условиях отряды, поддерживая тесную связь с главным штабом,

¹¹ Fascisti – итальянская транскрипция слова «фашисты». (Прим. ред.)

в своих районах вольны поступать в отношении коммунистической деятельности *так, как подсажут обстоятельства*. Отдел пропаганды указывает отрядам на случаи «большевистской активности», которые могли ускользнуть от их внимания. После такого предупреждения *выбор средств борьбы всецело предоставляется на усмотрение отрядов*.

«В целях быстрой мобилизации на случай всеобщей забастовки или революции три отряда образуют взвод под командованием взводного командира, три взвода образуют роту под командованием ротного командира, а три роты образуют батальон под командованием батальонного командира». Поддержку им оказывают транспортные части, «состоящие из водителей собственных машин, мотоциклистов, шоферов, велосипедистов, владельцев и возниц гужевых повозок, для поддержания связи в случае революции...» Члены общества не носили форму, их отличительным знаком был черный носовой платок, торчащий из нагрудного кармана. Впрочем, сообщалось, что в штабе на случай необходимости имеются каски. С самого начала общество ослабляли внутренние разногласия между более умеренными элементами (во главе с генералом Блекни) и отъявленными, воинствующими фашистами. В октябре 1924 г. последние частью откололись и образовали новую организацию – под названием «Национальные *fascisti*», а через два года из общества ушел и сам генерал Блекни. Незадолго до этого он имел конфиденциальный разговор с министром внутренних дел, предложившим организации 1) не именовать себя по-итальянски «*fascisti*» и 2) отменить военные чины. Было известно, что Блекни давно стоял за отмену чинов, но ими дорожили командиры отрядов – женщины, которые и одержали верх в споре.

В 1927 г. общество «Британские *fascisti*» отказалось от итальянского термина и стало именоваться «Британские фашисты». Однако ни этой, ни другими мерами ему не удалось упрочить свое существование. С 1926 до 1933 г. сумма взносов неуклонно падала, и в 1933 г. банк предложил исполнительному совету общества покрыть допущенное им большое превышение кредита. Оплату долга гарантировал бывший член совета подполковник Г. К. Брюс Уилсон. Когда настало время расплатиться с банком, он не мог собрать с членов организации необходимую сумму и, не встретив противодействия, подал заявление о принудительной ликвидации акционерного общества «Британских фашистов». Официально было объявлено, что причинами неплатежеспособности организации явились «затруднения при сборе взносов, конкуренция параллельной организации и всеобщее равнодушие к фашистскому движению». Два последних объяснения явно противоречили друг другу: смертельный удар «Британским фашистам» нанесло основание Б. С. Ф., который к апрелю 1933 г. вобрал в себя все активные элементы организации генерала Блекни¹² и в том числе троих из четырех мужчин, входивших в ее исполнительный комитет.

«Национальные *fascist!*» откололись от «Британских *fascisti*», потому что им, по их словам, нужны были не слова, а дело». Их группа, менее разборчивая в средствах и гораздо более агрессивная, состояла из представителей буржуазии и аристократии. Их «штурмовики» имели холодное оружие, носили черные рубашки и были подлинными, готовыми на любое насилие, фашистскими молодчиками итальянского образца. Их начальник так сформулировал девиз группы: «Прошлое уважай, будущее бей без пощады». Штурмовики приносили присягу, в которой клялись срывать красные флаги, где бы они ни встретились. Цели их сводились к следующему: немедленное прекращение иммиграции; высылка «нежелательных» иностранцев; учреждение трибунала по делам иммиграции для суда над иностранками – женами английских подданных; крупные имперские преференции; подавление всякой революционной деятельности.

Многочисленные уличные стычки и другие выходки – например, похищение грузовиков с тиражом «Дейли геральд» – привлекли к «Национальным *fascisti*» внимание печати, несоразмерное ни с их численностью, ни с их политическим значением. Помимо

¹² Уильям Джойс был в числе тех, кто немедленно примкнул к Б. С. Ф. Не более чем через год этот рядовой член «Британских *fascisti*» стал одним из главных помощников Мосли (*Прим. автора.*)

нескольких провинциальных отделений – в частности в Кембридже, Ньюкасле, Кардиффе – силы их были в основном сосредоточены в Лондоне и едва ли насчитывали более тысячи активных членов.

Наконец, следует упомянуть «Имперскую фашистскую лигу», которую основал в 1928 г. некий Арнольд Спенсер Лиз (в прошлом – ветеринар), утверждавший, что он – первый в Англии фашист, избранный в члены городского совета (в 1924 г.). Лига держалась в стороне от основного русла современного фашистского движения. Она не пользовалась никакими субсидиями, имела ограниченное число членов – около двухсот человек – и издавала собственную газету «Фашист», пропагандировавшую единственную доктрину лиги – яростный, лютый, истерический антисемитизм. Лига называла себя «защитником белых людей от евреев», которых, по ее мнению, следовало высыпалить не в Палестину, а на Мадагаскар.

Многие депутаты парламента узнали о существовании лиги только в марте 1933 г., когда они, после участия в банкете «Общества друзей Палестины в парламенте», получили от «Имперской фашистской лиги» письма с предупреждением, что их имена внесены в список «врагов родины».

Легко заметить, что все эти ранние фашистские организации – от «Лиги британских братьев» до «Имперской лиги фашистов» – строили свою пропаганду главным образом, если не исключительно, на самой грубой антисемитской агитации. Не делалось никаких попыток выработать широкую политическую программу: все проблемы, как внешние, так и внутренние, предлагалось решать путем беспощадной борьбы против несуществующего всемирного еврейского заговора. Большевики, разумеется, тоже должны были оказаться вне закона, но большевизм преподносился как «орудие и агентура тайного еврейского влияния», и предполагалось, что он умрет сам по себе, когда будет уничтожен создавший его Франкенштейн¹³ – международное еврейство. Поскольку у них не было политической программы, эти организации смогли привлечь в свои ряды лишь малую долю тех неприкаянных политических неудачников, которые позднее примкнули к Мосли. Но можно с уверенностью сказать, что их упорные нападки на принцип расовой терпимости, их глупейшая, но получившая широкое распространение литература о «чужеземной угрозе» подготовили почву, на которой позже укоренились и пышно проросли семена политического фашизма.

Через несколько лет после основания «Британского союза фашистов» большинство членов прежних фашистских организаций влилось в это более крупное движение; но до самой войны, и даже во время войны, различные группы и лица продолжали еще самостоятельно заниматься человеконенавистнической антисемитской пропагандой в печати. Образчиками таких групп могут служить «Воинствующие христианские патриоты» и «Издательское общество британцев», непрерывным потоком выпускающие злостные брошюры; среди частных лиц можно назвать полковника Артура Хью Лейна, который до самой смерти, последовавшей в 1938 г., за собственный счет печатал сотни совершенно непристойных брошюр и книг.

Возникновение Б. С. Ф

Когда в 1929 г. было сформировано второе лейбористское правительство, Мосли досталась синекура – пост канцлера герцогства Ланкастерского. Важнейшей проблемой, стоявшей в то время перед правительством, была безработица, и для выработки мер борьбы с этим бедствием было учреждено новое ведомство под руководством лорда-хранителя печати

¹³ Франкенштейн – герой романа Мэри Шелли (1818) – ученый, создавший из трупов чудовище, которое ему удалось наделить только отрицательными чертами и которое убило его и само погибло после его смерти. (Прим. ред.)

Дж. Г. Томаса. Помощниками его стали Мосли, Том Джонстон и Джордж Ленсбери.

В течение нескольких месяцев честолюбивый канцлер герцогства Ланкастерского засыпал своего начальника докладными записками, которые тот оставлял без внимания. Наконец, Мосли, с согласия Томаса, через его голову представил на рассмотрение кабинета свой пресловутый меморандум, который кроме него подписали также Ленсбери и Джонстон. Меморандум не получил одобрения кабинета, и в мае 1930 г. Мосли вышел из состава правительства.

Нет сомнения, что в тот период многие в рядах лейбористской партии, и вообще в Англии, относились к Мосли сочувственно. Его изображали как живого, энергичного политика, которому не дают ходу косные, погрязшие в рутине старики – члены кабинета. Он продолжал вербовать сторонников среди лейбористов, и в октябре 1930 г. ему удалось представить свои проект на рассмотрение ежегодной партийной конференции в Лландрэдно. Мосли искусно защищал свои позиции, но все же его меморандум был отклонен 1251 тыс. голосов против 1046 тыс. Для Мосли это был «мрачный час крушения надежд». «Помню, – пишет Джон Стрэчи в своей книге «Угроза фашизма», – какие горькие думы были написаны на лице Мосли, когда он сидел молча, один, глядя, как выходят из зала пожилые, почтенные деятели трет-юнионов, только что продемонстрировавшие на партийном заседании свое непоколебимое доверие Макдональду. Сердце у меня сжалось от дурного предчувствия. Как выглядели итальянские социал-демократы на съезде итальянской социалистической партии, исключившем редактора «Аванти»? Разве не были они уверены, что навсегда разделались с этим надоедливым Муссолини? Не знаю, были ли предчувствия самого Мосли более определены».

Мосли предпринял еще одну, последнюю, попытку организовать внутри партии бунт против руководства. После конференции он разослал приглашения двумстам пятидесяти лейбористам, активно работавшим в профсоюзных или политических партийных организациях, предлагая им обсудить вопрос о создании новой группы для проведения в жизнь экономического национализма, за который он ратовал в своем меморандуме. Используя вполне понятный скептицизм в отношении правительства со стороны более молодых и энергичных лейбористов, он собрал для своего манифеста подписи пятнадцати членов парламента – лейбористов и одного независимого (У. Дж. Брауна). Манифест был издан в декабре 1930 г. Через несколько недель был выпущен документ, подробно излагавший «национальную политику» «Новой партии»; но еще до того, как эта программа вышла в свет, одиннадцать из шестнадцати человек, подписавших манифест, почувствовали, что здесь пахнет фашизмом, и пошли на-попятный. В марте 1931 г., когда Мосли был исключен из лейбористской партии, остальные пятеро вместе с ним покинули ее ряды. Трое из них – леди Цинтия Мосли, Джон Стрэчи и д-р Форган – вошли в совет «Новой партии»; двое других – Оливер Болдуин и У. Дж. Браун – вскоре порвали с ней. Все они, за исключением д-ра Форгана, с самого начала расходились с Мосли во всех основных вопросах и не позже чем через три месяца вышли из его партии, после чего заявили: «По нашему мнению, сэр г. Освальд Мосли пытается отойти от принципов, на основании которых мы все вступили в «Новую партию», и ведет ее по пути консерватизма или фашизма». ¹⁴

Джон Стрэчи прозрел после инцидента, произшедшего во время дополнительных выборов в Эштоне. «Помню, – пишет он в «Угрозе фашизма», – как Мосли стоял на ступенях эштонского городского управления, выходящего на мощенную булыжником рыночную площадь, заполненную огромной толпой. Только что были объявлены результаты выборов, и было ясно, что кандидат лейбористов потерпел поражение, а консерватор одержал победу только вследствие вмешательства «Новой партии» (в лице ее кандидата Аллена Юнга). Толпа состояла из активных лейбористов всех близлежащих ланкаширских городов... Она

14 «Дейли геральд», 25 июля 1931 г.

была настроена резко враждебно к Мосли и «Новой партии». Она волновалась и кричала, и глядя на нее, он сказал мне: «Вот эта самая толпа со временем войны не дает никому ничего сделать в Англии». В эту минуту родился английский фашизм».

Уход социалистов окончательно избавил Мосли от необходимости прятать свои крепнущие фашистские убеждения за социал-демократической ширмой. В январе 1932 г. Мосли, утверждавший 1 августа 1927 г., что «величайшей опасностью для мира в Европе является усиление фашистской власти в Италии и ее союз с Англией», побывал в Риме, где вел продолжительные беседы с Муссолини и с генеральным секретарем итальянской фашистской партии Стараче. В августе того же года Лесли Камминг, помощник руководителя «Новой партии», заявил, что «разрешение всех вопросов политики партии зависит от сэра Освальда Мосли». 15 А через какой-нибудь месяц (30 сентября) вышла в свет «библия» английского фашизма, книга Мосли «Великая Англия», и «Новая партия» была преобразована в «Британский союз фашистов».

Что привело их к Мосли

Движение чернорубашечников, с самого начала получавшее крупные субсидии от ряда английских промышленников, вбиравшее в себя все больше представителей «средних классов», рекламируемое столь могущественным магнатом прессы, как ныне умерший лорд Ротермир, стало быстро развиваться. Взяв себе за образец нацистского фюрера, Мосли издал весьма простую программу («Десять Принципов фашизма»), в которой всем было обещано все. Рабочим он обещал работу; мелким предпринимателям он обещал защиту от рабочих-большевиков; капиталистам он обещал более высокие и более устойчивые прибыли, тред-юнионам – свободу от эксплуатации их капиталистами; помещикам он обещал экономическую без опасность; мелким фермерам – увеличение земельных наделов и гарантированные цены; аристократическим семействам (многие из которых были тесно связаны с Б. С. Ф.) он обещал гарантировать уважение к их традиционным привилегиям; стране в целом он обещал избавление от гнилого феодализма. Помимо всего этого он *всем без исключения обещал действие!* Был выброшен лозунг «Англия превыше всего!». Иностранцам предполагалось указать их место или вышвырнуть их из пределов страны. («Только фашизм в состоянии справиться с иностранной опасностью, где бы она ни подняла голову»). Износившуюся парламентскую систему было намечено отменить и на ее место поставить деловой, фашистский парламент. Мосли стоит *за действие!* Мосли – *за единство!* Мосли – *за дисциплину!* Мосли – *за новую, мужественную Англию!*

Они стекались к нему тысячами – разочарованные мелкие антисемиты, озлобленные правые интеллигенты, ренегаты и неудачники левых направлений, буржуазные дамы-«патриотки», дюжие пустоголовые кретины из университетов и школ, политические деятели-католики, бывшие унтеры и офицеры из охраны концентрационных лагерей, – им не терпелось напялить черную рубашку, пощеголять фашистским значком, почваниться в своей Англии так же, как чванились и кичились в Германии тысячи нацистских головорезов в коричневых рубашках, навербованные из тех же общественных групп.

В брошюре Лайонеля Бэрча, изданной через несколько лет после основания Б. С. Ф., дан превосходный анализ различных типов, англичан, стекавшихся под знамя Мосли, и соображений, которыми они руководствовались, идя к нему. Его выводы не потеряли своей злободневности, и мы считаем уместным дать читателю ряд выдержек из названной брошюры:

«Вглядитесь в лица чернорубашечников, когда они маршируют по улице или продают газеты на углу. Среди них можно различить три или четыре типа. Вот первый тип – складный, подтянутый, с офицерской выпрямкой и усиками, как у Мосли, самонадеянный

15 «Дейли геральд», 20 августа 1932 г.

представитель правящего класса, осмеливающийся критиковать правящий класс. Вот второй тип – крепкой как боксер, толстоносый, толстогубый, волосы коротко подстрижены, очень низкий лоб. Вот питомец закрытой школы и университета – красивый, румяный, с железным здоровьем, тот самый, кто отравлял жизнь молодым учителям и швырял в реку однокашников, если они отпускали волосы на дюйм длиннее, чем того требовала мода.

На лицах у представителей всех этих трех типов написана наглая решимость, полупрезрительный вызов, непримиримое отношение к тем, кто покупает у них газеты, убеждение, что сами они стоят на страже традиции мужества и что терпимость-добродетель, годная только для женщин. Есть еще и четвертый тип, он, пожалуй, встречается реже, но он не менее интересен. Люди этого типа чаще держатся поодиночке, продают фашистские газеты у подъездов дешевых ресторанов, или в Ист-энде, или на рыночной площади какого-нибудь враждебно настроенного провинциального городка. У этих чернорубашечников лица более тонкие, в них не таится беспощадная жестокость.

Всякий раз, как я встречаю чернорубашечника этого типа, я спрашиваю себя: что толкнуло таких людей к фашистам? Они могли бы стать членами либеральной партии, там, где есть местная организация. Но редко кто из молодежи захочет связать свою судьбу с партией, явно идущей на убыль. Консервативная партия? Но сохранение существующего порядка вещем на первый взгляд – мало увлекательное занятие. К тому же многим молодым людям кажется, что консервативную партию еле тащит на себе небольшая кучка стариков, неспособных простить своим подчиненным их молодость; и, наконец, – во главе ее стоит м-р Болдуин, человек, склонный к длительным периодам спячки, в промежутках между которыми он проявляет большую бес tactность. Так или иначе, консервативная партия – мало подходящее духовное прибежище для молодежи, недовольной тем, как все устроено на белом свете. Лейбористская партия? Но после 1931 г. многие молодые люди не видят в лейбористской партии ни силы, ни оригинальных идей...

Короче говоря, эти молодые чернорубашечники четвертого типа могли бы вступить в любую из более старых партий, но не сделали этого. А послушав оратора, сказавшего им, что «Британский союз фашистов» – организация «и революционная и патриотическая», они вступили в «Британский союз фашистов».

Фашизм начинает с того, что призывает молодежь «посвятить себя делу спасения чести родины». Взамен он предлагает форму, возможность подчиниться дисциплине и право требовать дисциплины, возможность командовать другими и высокое право обретаться вблизи святая святых нового бога. Он обещает снять со своих последователей всякую ответственность, так что им не останется другого дела кроме как рисоваться своей мужественностью. Своим не облеченным в форму сторонникам фашизм предлагает упрощенное решение трудных проблем нашего времени, а именно – люби, почитай и слушайся Мосли. Будь сильным. Расправляемся с евреями...

Многим знакомо двойное желание: предоставить событиям идти своим чередом и знать, что кто-то что-то делает. Принцип «фюрерства» удовлетворяет обоим этим требованиям. Фашизму удается вызвать к жизни дикарские инстинкты сначала в отдельных людях, потом в целом государстве. Это создает своего рода «единство»: единство каннибалов, исполняющих военную пляску. Фашизм не пытается примирить противоречия ни в отдельном человеке, ни в государстве. Фашистское государство – это деловое предприятие. Если вы с кем-нибудь не согласны, отдать приказ – дело более скорое, чем вступать в споры. Спор – это не деловое разрешение вопроса. Примирением могут заниматься женщины, в новом, насквозь мужественном движении ему не место. Фашизм будет и воспитывает в человеке дикаря; он неизменно делает ставку на все примитивное, низкое, недоразвитое. Проявления культурности не поощряются и пресекаются.

Видимые результаты фашизма сводятся к тому, что в человеке просыпается все самое примитивное и дикое, и в важном деле общения с другими людьми человек становится неотличимым от животного».

«Его видимые результаты»... То, что тогда было «видимо» лишь немногим, особо

проницательным людям, теперь знают миллионы. Кому не известны страшные слова – Роттердам... Лидице... Бухенвальд... Дахау... Бельзен...

Действие!

У Мосли не было недостатка в поддержке – даже тогда, в конце 1932 г., когда уродец в черной рубашке только что родился в маленькой комнате на втором этаже дома на Кингсрод. В большой мере эта поддержка и сочувствие уже были так или иначе мобилизованы, оставалось только включить их в фашистскую машину.

Но Мосли с самого начала был одержим манией иметь в своем распоряжении армию – марширующие отряды в черных рубашках, которые своим количеством и своей воинственностью демонстрировали бы то, чего не могли достаточно убедительно изобразить речи, брошюры и газетные статьи, а именно: рождение новой политической силы, основанной на *действии*. Эта мания еще сильнее укрепилась в нем после второго паломничества в Рим в апреле 1933 г. Его сопровождал капитан Льюис (первый редактор нового органа Б. С. Ф. «Черная рубашка») и «свита» из двенадцати английских фашистов в полной форме. Он присутствовал на фашистском фестивале «Рождение Рима», вместе с Муссолини принимал большой парад итальянских фашистов и имел с дуче ряд частных бесед на тему о международном фашизме и, в частности, о своей работе в Англии. Муссолини не скучился на комплименты своему английскому поклоннику, а телохранителям его заявил: «Я возлагаю чрезвычайные надежды на вашего лидера. Он – мой добный друг и, надеюсь, тоже считает меня своим верным другом». ¹⁶

По возвращении в Лондон, вдохновленный беседами с понтийской жабой, Мосли гордо заявил в «Дейли мейл», которую он предпочитал другим крупным газетам: «Это была незабываемая встреча. Я считаю, что это – новый шаг по пути к всемирному фашизму». ¹⁷

После этого в течение года количество членов Б. С. Ф. росло с такой быстротой, какой не знавала ни одна политическая партия или движение в Англии. Точное количество членов хранилось в тайне («Ни один генерал, – говорил Мосли, – не сообщает противнику численность своих войск»), но к началу 1934 г. в стране было не менее 400 действующих отделений Б. С. Ф., насчитывавших в среднем по 50 членов. К тому же на каждого активного чернорубашечника приходилось десять, а то и больше, сторонников движения, не носивших формы. Доходы Б. С. Ф. не дают представления о количестве членов, потому что союз с самыми первых дней стал получать щедрые субсидии от ряда состоятельных лиц. Но независимо от того, брались ли средства из членских взносов или от субсидий промышленников, Б. С. Ф. стал тратить огромные суммы на пропаганду, достигшую апогея ко времени митинга в Олимпии¹⁸ в июне 1934 г. За восемь месяцев, с октября 1933 г. по июнь 1934 г., Б. С. Ф. организовал многолюдные митинги в самых больших залах Манчестера, Ливерпуля, Бирмингема, Оксфорда, Шеффилда, Эдинбурга, Дерби, Портсмута, Ньюхэвена, в ряде других провинциальных городов, а также в Альберт-холле и в Олимпии в Лондоне. Крупные контингенты чернорубашечников – главным образом молодчиков из фашистского отряда обороны – перебрасывались из одного города в другой, чем достигалось впечатление большого скопления сил. Зачастую на митингах собиралось по 2–3 тысячи фашистов, – так было в Манчестере в октябре 1933 г., в Бирмингеме в январе 1934 г. Переброску и питание этих отрядов оплачивал центральный штаб Б. С. Ф., чьи средства в

¹⁶ «Дейли мейл», 24 апреля 1933 г.

¹⁷ «Дейли мейл», 26 апреля 1933 г.

¹⁸ Олимпия – огромный павильон в западной части Лондона, занимающий площадь около 3 га и служащий для собраний, выставок, военных и спортивных состязаний. (*Прим. ред.*)

начале 1934 г. составляли около 70 тыс. ф. ст.¹⁹

Одновременно с усилением фашизма почти стихийно разрастался энергичный единый фронт антифашистских элементов. Везде, кроме сплоченных фабричных районов в крупных промышленных городах, они составляли скромное меньшинство и, хотя Мосли называл их всех без разбора «красными», в числе их были коммунисты, социалисты, профсоюзные работники, либералы и – к чести их – горсточка честных антифашистов-консерваторов. Разумеется, у такой оппозиции фашизму не было ни единой организации, ни общего плана действий; в нее входили отдельные дальновидные люди, сразу понявшие, какую угрозу таит в себе фашизм, и имевшие смелость высказывать свои взгляды всякий раз, когда в их районе созывался фашистский митинг.

А смелость, как вскоре выяснилось, была необходима всякому, кто решался прервать речь оратора-фашиста. В систему Б. С. Ф. входило провоцировать не менее одного «инцидента» на каждом собрании. Если по окончании доклада кто-нибудь в зале вставал, чтобы сделать замечание или задать неугодный фашистам вопрос, на него немедленно налетала группа «распорядителей», которая избивала его на глазах у публики и вышвыривала из зала. Делалось это с целью показать присутствующим мужественность и беспощадный характер фашистского движения. Это вам не словесные бои. Это – *действие*. В тех из присутствующих, кому такие методы претили, фашистское движение не нуждалось; а тех немногих, в чьем сознании ужо таился зародыш фашизма, привлекало проявление силы и жестокости. Эти-то немногие и были нужны Мосли.

Сообщения о фашистских бесчинствах обычно попадали в местные газеты в сильно смягченном виде и не доходили до широкой публики. Но вскоре наиболее серьезные случаи обратили на себя внимание крупных либеральных газет. 12 марта 1933 г. Мосли выступил на митинге в Манчестере, в Фритрэд-холле. На состоявшемся впоследствии судебном разбирательстве свидетели показали, что после доклада из публики был задан вопрос, является ли фашистская организация антисемитской. Не дожидаясь ответа, один из чернорубашечников выхватил дубинку и сзади ударили задавшего вопрос. Человек упал. Публика в испуге стала вставать, а к месту происшествия претиснулись «распорядители» в черных рубашках, расчищая себе путь дубинками. Пострадавшего, получившего удар в затылок, они вынесли из зала. По словам очевидцев» были и другие жертвы, видели, как десять фашистов били человека, у которого по лицу струилась кровь. Это безобразие продолжалось, пока не вмешалась полиция. На суде Мосли заявил, что у двадцати четырех из ста сорока «распорядителей» действительно имелись в тот день резиновые дубинки, которыми их снабдил начальник «распорядителей» м-р Пирси. Насколько ему известно, Пирси изготавливает их из обыкновенных шлангов для поливки, купленных в магазине Вульвортса.²⁰

Обыватели, занятые футбольными матчами и своими домашними делами, не обратили серьезного внимания на этот случай. Другое скандальное дело, разыгравшееся в Оксфорде в ноябре 1933 г., заинтересовало их немного больше лишь потому, что в печати появился ряд широко известных имен. После оксфордского фашистского митинга ректор Баллиольского колледжа, декан Уодхемского колледжа, профессор Дж. Л. Брайерли из Колледжа всех святых и еще два преподавателя созвали антифашистский митинг протеста против насильственных методов, применяемых чернорубашечниками к публике. Были зачитаны данные под присягой показания пострадавших. Один из них встал, намереваясь взять слово, но пятеро фашистов окружили его, выволокли из зала и держали, в то время как еще один чернорубашечник засунул пальцы ему в ноздри, так что «обильно потекла кровь». На студента, пытающегося что-то сказать, накинулись «распорядители», которые несколько раз

19 «Дейли мейл», 18 января 1934 г.

20 «Таймс», 5 февраля 1936 г.

ударили его головой о каменный пол, а потом вытолкали из зала. Еще одну жертву крепко держали, пока чернорубашечники ногтями до крови расцарапывали ему лоб. После этого же митинга три студентки послали в «Манчестер гардиен»²¹ письмо, в котором писали: «Чернорубашечники били ногами по лицу упавших людей, уже бывших не в состоянии сопротивляться. Нескольких мужчин сбросили с лестницы...»

Примерно тогда же произошел инцидент, где жертвою был председатель Национальной организации безработных Уолтер Фокнер, – его избили до потери сознания на фашистском митинге, куда он был специально приглашен.²² На судебном разбирательстве организатор Б. С. Ф. по западному Сассексу признал, что послал Фокнеру приглашение на фашистский митинг в Брайтоне. После митинга, во время пения национального гимна, Фокнер наклонился, чтобы взять на руки свою маленькую дочку. Кто-то крикнул: «Ну, ребята, живо!». От сильного удара по голове он свалился наземь. Его схватили за ноги и за руки. Последнее, что он помнил, это занесенная над его головою палка. Он получил сотрясение мозга и долго пролежал в постели. Один чернорубашечник из центрального отделения был признан виновным в нападении на Фокнера, а районный организатор – в нападении на его жену, когда та кинулась на помочь мужу. Решением суда оба фашиста были приговорены к небольшому штрафу.

Это был фашизм на практике. Это было *действие*. У большинства рядовых граждан, имевших случай в те далекие дни наблюдать террористическую тактику чернорубашечников, выработался прочный иммунитет против фашистской заразы. Но таких было лишь меньшинство. Основная же масса населения по-прежнему не знала, какая угроза личной свободе и свободе слова растет и крепнет в стране. Время от времени заходили, конечно, разговоры о стычках между «красными» и чернорубашечниками. Но люди говорили себе, что трудно разобраться во всем этом, да и не их это дело.

Так фашизм в своих самых грубых формах стал пускать корни в Англии. К июню 1934 г. движение достигло той стадии агрессивной самоуверенности, на которой Муссолини предпринял свой поход на Рим, а Гитлер – свой мюнхенский путч. Но по численности сторонники Мосли еще уступали своим собратьям на континенте Европы. На этом этапе им пришлось удовлетвориться Олимпией.

Глава 2 Зверь на свободе

«Для меня самым отвратительным на этом митинге была жажда крови, которую я читал на лицах моих соседей, когда шло избиение жертв. Все, что мне рассказывали об Австрии и Германии, облеклось в плоти и кровь».

(Свидетель событий в Олимпии).

Движению чернорубашечников было от роду год и девять месяцев. За этот короткий период – период, в который Гитлер захватил власть в Германии – английский фашизм приобрел такую силу и влияние, что ни правые, ни левые политические деятели не могли больше игнорировать его или отмахиваться от него, ссылаясь на то, что его проявления – это просто «выходки мелкой шайки фанатиков континентального образца». Каждый день газеты посвящали ему целые столбцы; во всех городах страны чернорубашечники держали себя все более вызывающе; в Лондоне их деятельность стала одной из самых частых тем

²¹ 18 ноября 1933 г.

²² «Дейли телеграф», 15 марта 1934 г.

политических споров; в парламенте делались многочисленные запросы; проводились беседы по радио. Некоторые из лейбористов – все еще меньшинство – присматривались к гитлеровской Германии, к зверским расправам с евреями и рабочими, и спрашивали себя: «Неужели это возможно и у нас?»

Оказалось, что возможно. И произошло это в Лондоне вечером 7 июня 1934 г. Террор сорвался с цепи. На глазах у двадцати тысяч людей, в огромном павильоне «Олимпии» и вокруг него, разыгрались дикие сцены политического запугивания, каких никогда не бывало в Англии. По размаху они уступали оргиям коричневых рубашек в Берлине, Гамбурге или Мюнхене: ведь Б. С. Ф. еще не захватил государственной власти. Но разница была только в масштабе. Качественно это было то же, что и нацистский разгул в своих самых страшных формах. Ни до, ни после Олимпии мы не видели лучшего доказательства тому, что Англия, как и всякая другая страна, не гарантирована от заразы фашизма с его прославлением животных инстинктов и презрением к человеческой личности.

За двадцать один месяц своего существования Б. С. Ф. уже организовал в Лондоне несколько больших митингов и в помещениях и под открытым небом. Но этот митинг должен был превзойти все предыдущие. 15 тыс. людей, получивших билеты, предстояло в этот день постичь «мужественный» характер программы фашистов и умение чернорубашечников справляться с их политическими противниками. Последний пункт был самым существенным. Он был тщательно обдуман еще задолго до митинга. Лондонский отряд обороны явился в полном составе, нашпигованный распоряжениями относительно предстоящей задачи. Он был усилен подкреплениями со всех концов страны, даже из Ливерпуля. Многие «бойцы» под кожаными перчатками скрывали кастеты и тяжелые кольца; у многих в карманах были наготове дубинки. Приказы они получили достаточно четкие. Им надлежало, разбившись на группы по 5–6 человек, дежурить по всему павильону – на арене и на галереях. Посты были расставлены также у подножия стальных лестниц, ведущих из зала вниз, в широкий каменный коридор, проходивший под галереями. Всякое нарушение тишины в любом пункте зала отмечается световым сигналом. В то же мгновение Мосли, стоящий в эффектном одиночестве посреди огромной арены, прерывает свою речь. Замолкают все двадцать четыре громкоговорителя, способные заглушить целый хор критиков. На нарушителя тишины устремляется свет мощных прожекторов, установленных подле эстрады. Ближайшие группы «бойцов» принимаются за дело, а остальные чернорубашечники оглашают зал многоголосым ревом «Мы хотим Мосли! Мосли!».

Около 7.30 вечера огромную толпу стали постепенно впускать в Олимпию через единственный открытый вход между двумя цепями чернорубашечников. На улице, за кордоном пешей и конной полиции, толпились, соблюдая полный порядок, наблюдающие. Были в этой толпе и антифашистские демонстранты, но в большинстве она состояла из любопытных лондонских обывателей, всегда скопляющихся в подобных местах. Пока что они мирно и добродушно балагурили. Но в этот же вечер им предстояло увидеть нечто, что превратило их в неистовую, разъяненную толпу...

Пишуший эти строки сам был свидетелем того, что произошло в Олимпии. Он мог бы по собственным впечатлениям рассказать о безобразных насилиях, каким подвергался каждый, кто осмелился в тот вечер хоть словом перебить фашистские разглагольствования. Но ради полной объективности лучше будет пересказать всю историю словами беспристрастных очевидцев, чьи показания были собраны и опубликованы вскоре после знаменательного вечера. Большинство этих показаний дали по собственной инициативе видные журналисты, писатели, политические деятели и представители духовенства. Среди них не было ни коммунистов, ни социалистов. Было три члена парламента – консерваторы, от которых трудно было бы при обычных обстоятельствах ожидать особых симпатий к левым антифашистам, главным жертвам террористической тактики чернорубашечников. Один занимал административный пост в консервативном журнале. Мы не считаем грехом, что некоторые показания, повторяют друг друга: это лишь служит доказательством их подлинности, если такое доказательство требуется.

Свидетельства очевидцев²³

Джоффри Ллойд , член парламента (консерватор, депутат Ледивудского округа Бирмингама), парламентский секретарь Стэнли Болдуина.
Напечатано в «Йоркшир пост», 9 июня 1934 г.

«Зная по рассказам, что фашисты не в меру суровы в отношении тех, кто нарушает их собрания, я пошел в Олимпию на выступление сэра Освальда Мосли.

Естественно, что я, как член парламента – консерватор, не очень сочувствую коммунистам, но должен сказать, что грубое поведение фашистов меня ошеломило. Я уверен, что многие из присутствовавших на митинге разделяют мои чувства. Можно с уверенностью сказать, что к концу вечера среди жертв чернорубашечников были и консерваторы, пытавшиеся протестовать против ничем не оправданного насилия.

Я своими глазами видел, как раз за разом на одного человека, задавшего вопрос, набрасывались по десять, по двадцать фашистов. Затем они впятером или вшестером за руки и за ноги вытаскивали его из зала, в то время как несколько других фашистов били его и пинали. Я не мог припомнить ни одного случая, чтобы нежелательного критика вывели пристойно и корректно. Зато безжалостно грубому обращению подверглось несколько лиц почтенного вида, едва успевших встать с места и не пытавшихся оказать сопротивление. Сам я все время оставался в зрительном зале и мог только гадать о том, какие еще насилия фашисты учиняли над своими жертвами, скрыв их от глаз публики.

Я могу сказать одно: для англичанина, в Лондоне, это было потрясающее зрелище. Фашисты вели себя как хулиганы и подлецы. Могу добавить, что я знаю, о чем говорю, потому что бывал на многих больших митингах и в качестве кандидата-консерватора сам не раз был участником политических схваток в районах Лондона и Бирмингама, где лейбористы особенно активны. Я решительно осуждаю методы Мосли. В английской политической практике издавна допускается добродушная перебранка и даже резкие замечания во время собраний, и эту практику считают для себя оскорбительной только неопытные или чересчур самонадеянные ораторы, полагающие, что каждое их слово должно выслушиваться в благоговейном молчании..

Всякого, кто привык выступать перед микрофоном, должно было изумить странное поведение сэра Освальда Мосли в момент, когда кто-нибудь перебивал его речь. Всем известно, что в таких случаях оратор продолжает говорить, не обращая внимания на выкрики с мест. Дело в том, что действительно перебить оратора в этих условиях почти невозможно, человеческий голос просто тонет в реве целой батареи громкоговорителей. А между тем сэр Освальд Мосли замолкал при малейшем замечании, брошенном в самом удаленном уголке зала. Я утверждаю, что это было совершенно излишне, а разговоры Мосли о том, что свобода слова в опасности – чистейший вздор. Тактика его была рассчитана на то, чтобы усилить впечатление от самых незначительных нарушений тишины и дать чернорубашечникам видимость предлога для насильтвенных действий.

Я знаю, что многие кроме меня, независимо от их партийных симпатий и антипатий, испытали серьезное беспокойство, убедившись, что в Англии возможны такие эксцессы. Я пришел к выводу, что Мосли – политический маниак и что все порядочные англичане должны объединенными усилиями убить его движение».

Достопочтенный Г. Р. Л. (Дик) Шеппард, священник и писатель. – Интервью, данное

²³ «Фашисты в Олимпии», составил «Мститель», изд. Голланд, 1934. «Очевидцы в Олимпии», показания, собранные и изданные Союзом демократического контроля, 1934.

корреспонденту «Дейли телеграф», 11 июня 1934 г.

«На митинг в Олимпию я пошел по приглашению лэди Мосли – матери сэра Освальда. Я предполагал ночным поездом уехать в Ноттингем, но после того, что я видел, я прямо из Олимпии отправился в редакцию «Дейли телеграф».

Вместе со всеми присутствующими я видел, как из зала удаляли нарушителей тишины. Делалось это очень грубо, но сейчас я не буду говорить о том, что творилось в зале. Я ограничусь описанием одного из инцидентов, который я наблюдал в коридоре, ведущем к выходу. Я увидел жестоко избитого молодого человека, только что удаленного из зала. Лицо у него было в крови, он задыхался. Но и здесь чудовищное насилие продолжалось. Целая орава фашистов гналась за ним по коридору. Один схватил его за ноги, другие за руки, а остальные, кто только мог до него дотянуться, били его по голове. Не забудьте, что их было очень много...»

Писательница Сторм Джеймсон – письмо в «Делли телеграф», 13 июня 1934 г.

«Я была на митинге чернорубашечников в Олимпии. С моего места на арене мне был хорошо виден весь зал. Позади меня сидело двое последователей сэра Освальда Мосли, оба в штатском, и оба, так же как и я, не могли понять, зачем он после каждого замечания из публики делает паузу на 3–6 минут, тогда как ему ничего не стойло бы заглушить кого угодно, поскольку голос его, усиленный репродукторами, звучал невыносимо громко. Постепенно нам стало ясно, что он делает это, чтобы дать своим чернорубашечникам возможность расправиться с перебившим его человеком. Я допускаю, что нарушения тишины были «организованы», но вот как происходило дело в действительности: всякий раз как кто-либо вставал и произносил или пытался произнести несколько слов, которые могли бы услышать только его ближайшие соседи, на него немедленно накидывались десять-пятнадцать фашистов, безжалостно избивали и выкидывали из зала.

Один раз пятеро фашистов пронесли мимо меня молодую женщину. Ее одежда была изорвана, один из чернорубашечников своей огромной рукой закрыл ей рот и нос и отогнул назад голову, что должно было причинять ей сильную боль. Я упоминаю именно о ней потому, что читала, будто фашисты из деликатности передают женщин-«нарушительниц» женщинам-фашисткам. Это ложь. Ни в одном из попавшихся мне газетных сообщений не упомянуты слова, неоднократно повторенные сэром Освальдом Мосли в его докладе: «Если здесь еще есть красные, которые не прячутся за своих женщин, пусть заявят о себе, и с ними расправляться...»

Я не видела ни одного пострадавшего фашиста и, поскольку на каждого «нарушителя» немедленно налетало несколько чернорубашечников, я думаю, что нанести имувечье даже не представлялось возможным, – слишком неравны были силы. Мне трудно поверить, что англичанам и англичанкам, к какой бы партии они ни принадлежали, доставляет удовольствие смотреть, как людей хватают и бьют ногами. Если угодно – выводите нарушителей (хотя я не раз видела, как ораторы других партий сами справлялись со своими критиками с помощью остроумной шутки или веского довода), но зачем обучать молодых людей грубости и жестокости? Нет сомнения, что такие примеры очень заразительны».

Джеральд Барри (редактор «Ньюс кроникл») в радиопередаче от 8 июня 1934 г.

«Я был вчера на митинге чернорубашечников в Олимпии. Прежде всего я должен оговорить, что политическая сторона дела меня сейчас не интересует. Я не фашист и не коммунист. В Олимпию я, как и тысячи других, пошел из интереса и любопытства, и сейчас, за несколько минут, предоставленных в мое распоряжение, я постараюсь как можно более точно и объективно рассказать вам о том, что видел и слышал.

Я пробыл в Олимпии приблизительно с 8.15 до 10.40 – скажем, два с половиной часа, и

за это время был свидетелем нескольких инцидентов. Начиналось всякий раз с того, что кто-нибудь из публики вставал с места и возмущенно выкрикивал несколько слов протesta; что именно, было почти невозможно рассышать в этом огромном зале. В ту же минуту чернорубашечники, которых было на митинге несколько тысяч, подходили к заговорившему, хватали его и силой удаляли из помещения. Позже они уже не подходили, а бросались на нарушителей, и обращение их несомненно становилось все более грубым, как о тем и предупредил с эстрады сам сэр Освальд Мосли. «Чем больше будет нарушений порядка, — сказал он, — тем неприятнее это будет — не для нас, а для нарушителей».

Люди, которых выводили, естественно оказывали сопротивление, но во всех случаях, какие я видел, силы были неравные, и чернорубашечники без зазрения совести били их по голове, по животу, куда попало. Сэр Освальд заявил, что у нарушителей были бритвы и другое оружие, — не знаю. Я рассказываю о том, что видел сам, а оружия я не видел. Не видел также, чтобы хоть раз кто-нибудь из публики первым вступил в драку. Но насильственные действия не заканчивались удалением нарушителей из зала. Вы, вероятно, помните, что места для зрителей в Олимпии идут ярусами по четырем стенам здания, а под ними имеется просторное помещение, невидимое публике, откуда в зал почти не проникают звуки. Сюда то и приводили нарушителей, и именно здесь я наблюдал самые жестокие расправы. Мне было интересно узнать, куда чернорубашечники уводят этих людей, и несколько раз я вслед за ними выходил из зала. Один раз я увидел, как человека, лежавшего без чувств на полу, безжалостно пинали и били восемь — двенадцать чернорубашечников. В другой раз я видел, как группа чернорубашечников избивала одного человека с такой жестокостью, какой я не помню нигде, кроме как на войне. Мне стало физически тошно от этого зрелища.

Я хочу подчеркнуть две вещи: во-первых, в зале было по крайней мере в десять раз больше чернорубашечников, чем людей, нарушавших порядок. Думаю, что правильнее было бы сказать — в двадцать раз, но точно подсчитать такие вещи очень трудно. Во-вторых, полиции внутри здания не было совсем — полицейские функции взяли на себя сами чернорубашечники. От других я слышал еще много рассказов, но вам я сообщаю лишь о том, что видел своими глазами. Мне удалось также послушать, о чем говорили между собой рядовые чернорубашечники в фойе и в коридорах здания. Один из них сокрушался, что в публике так много женщин, — это сильно затрудняет работу. Другой сказал: «Не понимаю, к чему эти нежности, по-моему, человека надо так отдельать, чтобы всю жизнь помнил. Вот в Ист-энде мы с ними не стеснялись, а?» — добавил он, обращаясь к приятелю».

Писательница Нэоми Митчison.

«Я пошла в Олимпию с тремя знакомыми. Мы пришли за десять минут до начала, но пройти на свои места не могли минут двадцать, потому что пускали только «через один подъезд и очень тщательно проверяли билеты. Впрочем, почти никто не выражал недовольства. Мы сидели недалеко от оратора, а беспорядки вначале происходили в дальнем конце зала, так что нам мало что было видно. Затем, однако, стали раздаваться голоса и ближе к нам. Обычно кто-нибудь выкрикивал одну фразу, например я слышала, как кто-то крикнул: «А Гитлер допускает свободу слова?» На каждого нарушителя тут же набрасывались человек восемь чернорубашечников и выталкивали его из зала с необычайной жестокостью. Несколько мы могли разглядеть, никто из нарушителей не пытался защищаться, но, несмотря на это, их невероятно грубо сталкивали с лестницы и били».

Т. Дж. О'Коннор, член парламента (консерватор, депутат от Центрального Ноттингема). Из речи в палате общин 14 июня 1934 г.

«... Думаю, что палате не мешает выслушать сообщение человека, бывшего там (в Олимпии) и шедшего туда, как, вероятно, и многие другие, с намерением понаблюдать,

может быть – повеселиться, а кстати, если зал будет полон, посмотреть, какие же это люди раскупили такое огромное количество билетов.

Я шел туда без предвзятой мысли, без малейшего предубеждения... Сидел я примерно в середине зала, откуда мне не были видны лица сидящих на галереях, и тем более не было видно, вооружены они или нет... Прежде всего я пришел к следующему выводу: в первые полчаса серьезных нарушений порядка не было. Но затем публика стала вести себя все более беспокойно, и когда я уходил – я не досидел до конца – митинг протекал уже весьма бурно. Я объясняю это – логически – тремя обстоятельствами: во-первых, публике пришлось слушать очень скучный доклад; во-вторых, она вышла из повиновения потому, что ее возмутило обращение с нарушителями; и в-третьих, она вышла из повиновения потому, что оратор упорно провоцировал ее на это. Таковы мои впечатления. Я твердо убежден, что целью митинга было не ответить на вопросы присутствующих, а справиться с нарушителями.

На чем я строю эти выводы? На нескольких довольно существенных факторах. Прежде всего... ни одно нарушение не было оставлено без, внимания. В самом начале кто-то негромко выкрикнул замечание, которое можно услышать на всяком митинге: «Л не хотите пожить на 15 шиллингов 3 пенса в неделю?» Мосли сейчас же умолк, на задавшего вопрос был направлен прожектор, и его, избив, выставили из зала. Ясно, что такой метод был разработан заранее, и по моему мнению, столь же ясно, что митинг был задуман с единственной целью – справиться с нарушителями...

Теперь, думаю, уместно будет перейти к трем инцидентам – я выбираю три из многих, – которые я видел своими глазами. Вместе со мной на митинге было еще два или три депутата парламента и наши дамы, а слева от меня, в конце ряда, сидела дама, положившая свою шляпу с большими полями себе на колени. Я упоминаю об этом потому, что это, по-моему, служит лишним доказательством ее полной неподготовленности к какой-либо схватке. Один из ее соседей что-то сказал, и его немедленно и очень грубо выпроводили. Подробностей я не разглядел. Она позволила себе какое-то замечание, не понравившееся сидевшим рядом с ней. Человек, которого только что вывели, не был ее знакомым, но она, по-видимому, неодобрительно отозвалась о том, как с ним поступили. Вокруг нее завязался разговор. Пока с ней говорили (что не носило характера нарушения, потому что сэр Освальд Мосли не прервал своей речи, да и едва ли мог слышать, что происходило в средних рядах), подошли пять или шесть женщин-чернорубашечниц. Они одновременно набросились на даму и закрыли ее собой от меня. Она сопротивлялась, но через несколько секунд уже исчезла за дверью на лестницу.

Возьмем второй пример. Молодой человек встал с места и что-то крикнул. Расслышать его могли только ближайшие соседи. Мосли немедленно прервал доклад. На молодого человека был направлен прожектор, и не менее шести, человек свалили его с ног. Пока они его держали, подоспели еще человек пять, которые стали бить его, лежащего на полу, кулаками (голос с места: «Испытанный английский метод!»). В ту минуту я его не видел, потому что он находился за барьером, но потом два фашиста ногами вытолкнули его в проход, а затем сбросили с лестницы. Это второй случай.

А вот третий (пострадавший сидел прямо передо мной, и в конце концов мы ушли, потому что почувствовали, что либо нам самим несдобровать, либо мы, если не вмешаемся, проявим непростительную трусость). Молодой человек, не выдержав, позволил себе довольно сильное выражение по поводу происходящего. Его схватили и потащили лицом вниз, завернув ему на голову пиджак. По дороге его били те, кто нес его, и другие. Так, лицом вниз, его и сбросили со стальной лестницы высотой в 12–15 ступенек. Все это я видел собственными глазами, и вы не можете отмахнуться от моих показаний, заявив, как это делает Освальд Мосли, что я лжец или что я позорю консервативную партию. Мне кажется, что позором для консервативной партии было бы, если люди, видевшие подобные вещи, не говорили о них...»

Писатель А. Э. Коппард.

«Распорядители-чернорубашечники довели себя до исступления, выкрикивая хором «Мы хотим Мосли!». После одного из таких воплей человек, сидевший в партере, крикнул: «Мы хотим работы!» Ему тут же досталось... Один из его соседей поднял голос против такого зверского обращения. Ударом в челюсть его посадили на место, и целая банда чернорубашечников стала его избивать. Один из них стоял позади стула и что есть силы колотил свою жертву по голове. Началась свалка. Поднявшийся с места высокий бледный человек с рыжими волосами получил от чернорубашечника страшной силы удар по лицу. Он покачнулся, и тут к нему подскочили еще два чернорубашечника и ударами в лицо свалили его с ног.

Фашисты находили все новые жертвы. Я сидел на галерее справа, а это происходило прямо подо мной. С другой галереи, напротив трибуны, тоже выволакивали кого-то. Человека несли за руки и за ноги, лицом вниз, а один чернорубашечник, бежавший рядом, все норовил попасть ему кулаком в лицо. Выйдя из зала около 10 час., мы встретили группу чернорубашечников, тащивших свою жертву обратно, вверх по лестнице. Человек был в сознании, но сам не мог двигаться — по-видимому, у него была сломана нога. Потом вверх по лестнице пробежало несколько чернорубашечников, испуганно кричавших «Полиция!»... В коридоре мы видели еще одного несчастного, которому не давала встать поврежденная нога. Лицо его было залито кровью...

Когда одного из нарушителей тащили с галереи, начальник чернорубашечников крикнул, чтобы впредь их кидали прямо с балкона вниз».

А. Дж. Каммингс, из заметки в «Ньюс кроникл» 13 июня 1934 г.

«Мне доводилось видеть на политических митингах немало грубых сцен и организованных нарушений порядка, но я не видел ничего подобного тому разнужданному зверству, с каким чернорубашечники пресекали эти нарушения. Один незначительный инцидент произошел совсем близко от меня. Хорошо одетый молодой человек выкрикнул что-то вроде «фашизм — отвратительная тирания». На него тут же набросилась стая волков в человеческом образе и поволокла его. Я вышел вслед за этой процессией в фойе; здесь проносили к выходу нескольких жертв. По пять-шесть чернорубашечников тащили их вниз лицом, а рядом бежал здоровенный детина и с яростью бульдога тыкал беспомощного человека в лицо своим кулачищем.

Что и говорить, поучительная английская картинка для английского зрителя».

Фибе Фенвик Гэй, младший редактор журнала «Тайм энд тайд».

«... Человек, сидевший в верхнем ярусе на противоположной от меня стороне зала, встал, чтобы выразить протест против какого-то утверждения оратора. Ему не дали договорить фразу, два распорядителя схватили его за шиворот, а третий дал свисток, призывая еще помощников снизу. Потом этого человека силой сбросили с лестницы, а внизу еще несколько фашистов (не менее шести) стали избивать его ногами и, нагибаясь, несколько раз ударили его кулаком. Наконец его выволокли из зала, он задыхался и тщетно пытался защитить голову и лицо от ударов.

Это был самый обыкновенный почтенный человек средних лет. За билет он заплатил семь с половиной шиллингов».

Вера Бриттен.

«Я сидела у самой эстрады, далеко от галерей, где произошли серьезные беспорядки. Мне мешали видеть зрители, вставшие с мест. Но когда сэр Освальд Мосли заявил, что

тактику чернорубашечников оправдывает положение о свободе слова, один из моих соседей крикнул: «А Гитлер допускает свободу слова?» В ту же минуту чернорубашечники окружили его, сбили с ног и стали осыпать ударами. Вокруг поднялась невообразимая суматоха, дерущиеся опрокидывали стулья, а нарушителя за ноги и за руки вынесли из зала. Так же обошлись с другим нарушителем, справа от меня, который только крикнул: «Нет!»

Мэри Борман.

«На своем месте в партере я сидела среди сторонников Мосли и распорядителей-чернорубашечников. Первой на моих глазах удалили женщину, сидевшую позади меня на галерее. Оглянувшись, я увидела, что пять или шесть женщин-фашисток толкают и дергают ее и в клочья рвут на ней одежду. По-видимому, эта женщина что-то сказала, но очень негромко, потому что я даже не слышала ее голоса. Вокруг меня чернорубашечники и их друзья все время кричали и хлопали в ладоши.

На галерее напротив меня кто-то что-то крикнул, и не успели мы поднять голову, как на этого человека уже накинулись чернорубашечники. Я насчитала их двенадцать, а потом сбилась со счета, потому что толпа закрыла их от меня. Несколько минут они били человека, свалив его на пол, потом поволокли его за руки, стукая об пол, окруженные толпой чернорубашечников, не перестававших его бить.

Потом поднялся человек в партере, на несколько рядов впереди меня. Что он сказал, я не рассыпалась, но на него тотчас налетело не меньше тридцати чернорубашечников, которые отталкивали друг друга, стараясь добраться до распростертого на полу человека и ударить его. Мой сосед чернорубашечник, перемахнув через несколько стульев, бросился на помощь своим приятелям. Свалка продолжалась несколько минут, после чего десять фашистов вынесли из зала человека, до того избитого и оглушенного, что он не мог идти сам. Остальные чернорубашечники остались на месте и продолжали избивать ногами и кулаками еще кого-то, пока кто-то не сказал: «Это женщина»; тогда они расступились и дали подойти нескольким женщинам-фашисткам. Они подняли лежавшую, сама она не могла встать и, вероятно, была без сознания – это было видно по тому, как свисала ее голова, когда четыре или пять фашисток несли ее к выходу.

За все время, что я находилась в зале, я не видела ни одного полисмена. На улице их были сотни, они похаживали назад и вперед и переговаривались, чтобы скоротать время. В конце улицы они устроили кордон и никого не пропускали. Я еле добилась, чтобы меня выпустили».

В толпе, собравшейся на улице вокруг Олимпии, постепенно накипала ярость. Она прорвалась часов в девять, когда в дверях стали появляться окровавленные, избитые люди, бессильно падавшие наземь на глазах у толпы. Несколько женщин в истерическом состоянии выбежали на улицу с криками: «Там людей убивают!» «Ради всего святого, прекратите этот ужас!» Толпа волновалась все больше, все чаще и громче требуя вмешательства полиции; тогда большие группы пеших и конных полисменов начали действовать против «беспокойных» дубинками. Пешая полиция держала себя в общем прилично, верховые же, по словам очевидца, вели себя так, «точно хотели показать свое искусство на rodeo». ²⁴ Но разогнать толпу полиции не удалось. Разъяренные до предела люди ждали выхода фашистов. К концу митинга чернорубашечники мелкими группами стали выходить из Олимпии. При виде их толпа окончательно вышла из себя. Прорвавшись через кордон, люди бросились вслед за бегущими чернорубашечниками, и многие из них уцелели только благодаря энергичной помощи полисменов – пеших, конных и в машинах. В 11.30 из здания вышли основные отряды чернорубашечников и удалились строем по четыре, надежно охраняемые с обеих сторон цепями полисменов. На лицах у них было написано торжество. Члены

²⁴ Спортивный праздник ковбоев. (Прим. ред.)

Британского союза фашистов славно покуражились в этот вечер.

Жертвы бандитских действий чернорубашечников.

«В прецелях законности»

Под давлением многих депутатов парламента и ряда органов печати министр внутренних дел выступил с докладом обувечьях, нанесенных лицам, которые находились на излечении в Западной Лондонской больнице и в больнице Сент-Мэри Эббот. В своем докладе²⁵ он подтвердил, что фашисты-распорядители пользовались кастетами, но несмотря на это отказался провести официальное расследование безобразных инцидентов в Олимпии. Его поддержала группа депутатов-консерваторов, горячо защищавших фашистов во время оживленного спора между депутатами-лейбористами и правительством. Снисходительность министерства внутренних дел нашла отклик и в судебных решениях того времени. Все антифашисты, арестованные за оскорблениеличности в день событий в Олимпии, подверглись штрафу или тюремному заключению; всех фашистов оправдали или взяли с них подписку о невыезде. Здесь уместно остановиться на позиции, занятой полицией и судами в отношении этого нового явления, возникшего в Англии в 1932 г. Можно, пожалуй, в понять, почему многие судьи сознательно или бессознательно принимали сторону чернорубашечников против «красных», всякий раз как эти две враждующие группы представляли перед судом. Чернорубашечники принадлежали к организации, руководитель которой – какие бы политические чудачества он себе ни позволял – был английским джентльменом и баронетом. Судье, естественно, казалось, что они менее способны на хулиганские выходки, чем истец или ответчик-антифашист, обычно рабочий, да еще не скрывающий своих левых убеждений. Еще в дни «Новой партии» много шума вызвал случай, когда самого Мосли вызвали в суд за то, что на одном из своих митингов он напал на двоих людей: первого сбил с ног, второго лягнул и ударил кулаком в глаз. Судья заявил, что, по его убеждению, «сэр Освальд сделал лишь то, на что имел право».

²⁵ Парламентские дебаты, 14 июня 1934 г.

Что касается фашистов помельче, вспомним дело шестнадцатилетнего подростка, вызванного в суд малолетних в Стэнли 8 сентября 1936 г. по обвинению в том, что он держал медную трубку, обтянутую резиной, «с намерением использовать ее против демонстрации коммунистов в Виктория-парк-сквере». Его осудили условно, причем председатель, сказал, что «рассматривает его поведение как глупое мальчишество».

Ниже мы приводим несколько типичных случаев, – а их можно привести сотни, – показывающих, как неодинаково относился суд к рядовым фашистам и антифашистам при рассмотрении сходных правонарушений.

«В результате беспорядков, произошедших в воскресенье перед зданием германского посольства на Карлтон-хаус-террас, когда полицейский кордон остановил толпу демонстрантов, пытавшихся заявить протест по поводу дела о поджоге рейхстага, несколько человек были вчера вызваны в полицейские суды на Бау-стрит и Молборо-стрит по обвинению в оскорблении властей. Среди подсудимых были рабочий и фашист. С фашиста взяли подписку о невыезде на шесть месяцев, рабочего оштрафовали на 10 шиллингов» («Дейли телеграф», 19 декабря 1933 г.).

«За выкрикивание антифашистских лозунгов перед отелем Клариджа, где в это время находился германский нацист д-р Розенберг, Чарльз Н. был оштрафован на 40 шиллингов. Судья сказал: «Ваше поведение могло оказаться чрезвычайно опасным и повести к беспорядкам» («Дейли телеграф», 13 мая 1933 г.).

«Семь молодых английских фашистов обвинялись в том, что они создали уличный затор, вследствие чего прекратилось движение по Ковентри-стрит и Уордор-стрит. Собралась большая толпа, и фашистов арестовали «больше для их же безопасности». Судья распорядился освободить их» («Инвинг ньюс», 1 мая 1933 г.).

«После митинга в Ньюкасле одного фашиста арестовали за то, что он «напал на констебля Менджинга и дрался с ним», другого – за то, что он «напал на двух человек в штатском, из которых один спешил на помощь полиции». Тот и другой были приговорены к штрафу в 50 шиллингов» («Манчестер гардиан», 15 мая 1934 г.).

«После митинга в Финсбери-парке молодого человека 21 года обвинили в том, что он кричал «Долой чернорубашечников, голод и войну!» и ударили полисмена, пытавшегося его арестовать. Последнее юноша категорически отрицал. Его присудили к двум неделям тюремного заключения за оскорбление действием и к штрафу в 40 шиллингов за непозволительные слова и поведение» («Дейли геральд», 30 мая 1934 г.).

Еще интереснее поведение полиции. Едва ли кто-нибудь, по опыту знакомый с деятельностью фашистов, станет отрицать, что если столичная и провинциальная полиция и вмешивалась в фашистские демонстрации, то выражалось это вмешательство либо в защите фашистов от разъяренной толпы (доведенной до бешенства эксцессами самих чернорубашечников), либо в аресте контр-демонстрантов, антифашистов. В тех случаях, когда фашистский отряд обороны мог справиться с нарушителями своими силами и с присущей ему жестокостью, полиция обычно сохраняла нейтралитет.

Чем это объясняется? Ведь большинство служащих в полиции, казалось бы, не могло относиться сочувственно к новому политическому движению, прибавившему им столько лишней работы и ответственности и явно следующему по стопам нацистской партии с ее гестапо и частями СС, по отношению к которым простая полиция занимала подчиненное положение.

Прежде всего следует отметить, что рядовой полисмен (а также и большинство высших полицейских чинов, независимо от того, носят они мундир или ходят в штатском) еще менее сознательен политически, чем рядовой обыватель. Это – политический евнух, присягнувший на верность непреходящему государству, защищающий власть, которая определяется не конституцией и сводом законов. В такой стране, как Англия, где власть по традиции ориентируется на правые элементы, левые партии в глазах этой власти неизбежно связываются с понятием крамолы. Вот почему в английской полиции давно укоренилось и до сих пор не исчезло предубеждение против любых левых элементов. Отношение полиции

николько не изменяется от того, что в ряде случаев действия «крамольных» элементов не противоречат конституции, и от того, что, напротив, Б. С. Ф. как своими программными высказываниями, так и повседневным поведением доказывал свое пренебрежение к конституции и традиционной власти. Но полицейские не читают политической литературы. Зато они знают, что на фашистских митингах развеваются национальные (а не красные) флаги, что по окончании митингов исполняется национальный гимн и что фашистские ораторы с уважением отзываются о монархии и империи.

Наконец, следует помнить о проникновении самих чернорубашечников в ряды полиции²⁶

Оглядываясь назад, можно усмотреть невеселый юмор в следующем диалоге между полисменом и судьей на разбирательстве дела демонстранта-антифашиста.

Полисмен: *Обвиняемый позволил себе оскорбительные слова и поведение.*

Судья: *Что он сказал?*

Полисмен: *Он сказал: «Фашизм означает голод и войну».* ²⁷

При самом снисходительном подходе это можно истолковать так, что данный полисмен страдал повышенной восприимчивостью к оскорблению.

Из показаний, данных очевидцами событий в Олимпии, мы уже видели, что полиция воздерживалась от вмешательства, даже когда фашистский отряд обороны действовал особенно грубо и жестоко. Протест против такой пассивности был подан начальнику оксфордской полиции после митинга, упомянутого в главе второй. Еще один показательный случай имел место в Некеме (Лондон) 5 апреля 1936 г. В отчете о фашистском митинге, состоявшемся в этот день в помещении школы Совета Лондонского графства, на Холлидэйл-род, репортер «Ньюс кроникл» писал:

«На моих глазах, в нескольких шагах от меня, произошел один из самых вопиющих по своей грубости инцидентов, какими запятнало себя фашистское движение в Англии. Выступал м-р Клемент Брюнинг. По окончании речи присутствующие, стоя, запели национальный гимн. Двое мужчин в передних рядах остались спокойно сидеть. К ним сейчас же подкрались сзади три чернорубашечника, без предупреждения схватили их и грубейшим образом выкинули из помещения. Одному из них, м-ру С. Г. Силку, достался сильный удар по лицу, и осколки очков вдавились в глаз, из которого брызнула кровь. *Во дворе школы в это время находилось несколько полисменов, но они ничего не предприняли, не пытались даже узнать имена замешанных в этом деле чернорубашечников. Протесты, с которыми публика обратилась к полиции в связи с ее бездеятельностью, были оставлены без внимания.* (Курсив мой. – Ф. М.)

Время от времени делались попытки оправдать бездеятельность полиции законом о собраниях, по которому организаторам митинга разрешается использовать собственных «распорядителей» для борьбы с нарушением порядка *внутри* помещения. Но этот аргумент не выдерживает критики. Прежде всего, закон о собраниях не допускает злостных нападений на тех, чьи «нарушения» сводятся к отдельным восклицаниям, затем в законе ясно указано, что, удаляя нарушителей из зала, распорядители могут применять силу лишь постольку, поскольку это необходимо для выполнения данной задачи; и наконец, ни закон о собраниях, ни никакой другой закон не допускает насилия, совершаемых фашистами *вне* помещения, где идет их митинг.

Не трудно заметить, что полиция проявляла достаточно энергии и рвения в тех случаях, когда самих фашистов нужно было защищать от антифашистски настроенной толпы. Приводим несколько примеров, взятых на выдержку из газет за 1933–1934 гг.

²⁶ В 1934 г. министр внутренних дел принял мало эффективную контрмеру, исключив из полиции нескольких видных фашистов. (Прим. автора.)

²⁷ «Ньюстейтсмен», 26 июня 1934 г.

В Бедфорде: «Фашистская охрана и полиция общими усилиями восстановили порядок» («Таймс», 10 октября 1933 г.). На фашистском митинге в северном Хаммерсмите: «После прибытия двух полицейских машин с большим отрядом полиции беспорядки были быстро ликвидированы» («Дейли телеграф», 24 апреля 1934 г.). В Гейтсхеде: «После фашистского митинга в здании городского управления десятитысячная толпа была разогнана, а 60 фашистов вернулись в свой штаб, охраняемые конной полицией и патрулем мотоциклистов» («Ньюс кроникл», 15 мая 1934 г.).

На хлебной бирже в Плимуте: «На место прибыли около двадцати полицейских в мундирах и в штатском, с дубинками наготове, и все нарушители удалились. Тем временем подоспели резервы еще из 50 полицейских, и на улице был выставлен кордон, чтобы очистить проход тридцати фашистам. Однако толпа прорвала кордон. Были спешно вызваны еще полицейские, и под их защитой чернорубашечники, провожаемые возбужденной толпой, благополучно добрались до своего штаба» («Ньюс кроникл», 27 апреля 1934 г.).

Из многих случаев, когда полицию заслуженно обвиняли в излишней жестокости по отношению к участникам антифашистских демонстраций, следует особо отметить два. 22 марта 1936 г., по слухам массового митинга Б. С. Ф. в Альберт-холле, в полуторе километрах оттуда на Тэрло-сквере состоялся антифашистский митинг. Внезапно в толпу врезалась конная и пешая полиция, свирепо работая дубинками. Министр внутренних дел сэр Джон Саймон, несмотря на сильный нажим со стороны парламента и общественности, отказался провести официальное расследование этого инцидента. В конце концов, расследование провела комиссия Национального совета гражданских свобод. Комиссия, в которую входили профессор Бентуич, м-р Гаррисон Бэрроу, профессор Ф. М. Корнфорд, покойная мисс Элеонор Райтбоун (член парламента) и писатель Дж. Б. Пристли, установила, что «полиция напала на толпу без предупреждения; что она проявила ничем не оправданную жестокость и грубость; что собравшимся были нанесены серьезныеувечья, и многие из этих увечий могли оказаться смертельными».

В июле 1937 г. Национальный совет гражданских свобод созвал в палате общин заседание для разбора показаний, представленных очевидцами полицейского вмешательства во время фашистского митинга на Стэнли-стрит 14 июля. Согласно этим показаниям (целая папка их была передана министру внутренних дел Сэмюэлю Хору), полиция накидывалась с дубинками на всякого, кто позволял себе перебить оратора. Тех, кто спокойно задавал какой-нибудь вопрос, немедленно выпроваживали, а тех, кто выкрикивал антифашистские лозунги, избивали и выносили вон за руки и за ноги. Одного антифашиста – девятнадцатилетнего носильщика Леви, сражавшегося против Франко в Испании, – впоследствии привлекли к суду «за нападение на полицейского инспектора и на констебля». В свою защиту Леви сказал, что его били кулаками и ударяли головой о край тротуара и о железную решетку, после чего он пять дней пролежал в больнице. Судья, выносивший приговор, заявил: «Возможно, что после совершенного нападения арест ответчика был произведен не особенно мягко, но я не намерен обсуждать этот вопрос». Леви был приговорен к двум месяцам тюремного заключения.

В ноябре 1936 г. Б. С. Ф. с большим удовлетворением мог заявить: «За четыре года нашего существования ни один член Б. С. Ф. не был осужден за вмешательство в собрания, проводимые нашими противниками. С другой стороны, за последние три года более 400 наших противников были осуждены за вмешательство в наши собрания или за физическое нападение на членов нашего союза». В этом заявлении, которое никто не пытался опровергнуть, следует отметить слово «осуждены». Всего за месяц до этого (12 октября) «Дейли телеграф» сообщал об организованном нападении фашистов на митинг, устроенный их противниками. Десять тысяч антифашистов собирались на Тауэрхилле, чтобы оттуда пройти через Ист-энд. Среди них находились три тысячи бывших военных с национальными флагами; остальные – члены различных левых групп, и в числе их много женщин и детей – несли красные флаги. Первое нападение фашисты предприняли, когда демонстрация достигла Виктория-парка; пятьдесят фашистов прорвались в ряды демонстрантов и пытались

захватить красное знамя. Демонстранты оказали сопротивление. Тогда на помощь фашистам кинулись сто полисменов с дубинками. Позднее чернорубашечники швыряли в ряды демонстрантов ракеты. Полиция арестовала четырнадцать человек. Автору этой книги не удалось выяснить, кто именно был арестован, но если верить вышеприведенному заявлению Б. С. Ф., либо среди арестованных не было фашистов, либо суд признал их «невиновными».

С 1937 г. резко участились аресты фашистов по обвинению в нападениях и обструкциях. Очень приятно было бы усмотреть в этом доказательство того, что полиция, хоть и с запозданием, поняла всю опасность фашизма; но к сожалению, этому имеется менее утешительное и более правдоподобное объяснение. В январе 1937 г. вошел в силу закон об общественном порядке, запрещающий политическим партиям ношение формы. Во время стычек, не прекращавшихся до самой войны, полиции становилось все труднее отличать фашистов от «красных»... Это обстоятельство было отмечено в журнале «Бритиш юнион куртерли» за январь – апрель 1937 г.:²⁸

«До сих пор ношение формы позволяло сразу определить, кто готов соблюдать закон, а кто нет. С отменой формы это различие исчезает, и участь полиции становится поистине незавидной».

Глава 3

«Забыть ли старую любовь»²⁹

По причинам, которые будут рассмотрены ниже, Мосли не удалось завоевать Англию для фашизма. Другими словами, ему не удалось добиться от военных и полицейских властей и от населения поддержки, достаточно сильной, чтобы его фашистское меньшинство могло захватить государственную власть. Но предположим на минуту, что события 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии повторились бы в Англии, скажем, в 1937 г. В этом случае Англия сейчас, несомненно, была бы младшим партнером – если не колонией – европейской фашистской Германской империи. Это следует отметить, прежде чем мы перейдем к рассмотрению роли, которую играли в предвоенные годы влиятельные опекуны Б. С. Ф., ибо если бы Мосли удалось осуществить государственный переворот, то только благодаря активной помощи и поощрению со стороны этих кругов. Впоследствии некоторых из этих лиц, возможно, огорчила бы победа нацизма в Европе; все они несли бы свою долю вины за содействие этой победе.

В этой главе мы будем говорить о тех высокопоставленных лицах, чьи симпатии к странам оси были либо следствием, либо причиной активной поддержки ими английского фашизма.

Из этих влиятельных лиц, поддерживавших Мосли в начале его фашистской карьеры, на первом месте стоит ныне покойный виконт Ротермир, до 1937 г. возглавлявший компанию Ассошиэйтед Ньюспеперс, издающую газеты «Дейли мейл», «Ивнинг ньюс» и «Сандей диспетч». Время от времени и другие крупные газеты разражались хвалами по адресу Б. С. Ф., но издания Ротермира стоят вне конкуренции. Систематически, беззастенчиво эти могущественные органы пропаганды прославляли движение чернорубашечников в те годы, когда они наиболее решительно боролись за власть. Правда, из миллионов людей, читавших газеты Ротермира, лишь немногие обратились в фашистскую

²⁸ Между прочим, в этом же номере была помещена статья подлого норвежского фашиста Видкуна Квислинга. (Прим. автора.)

²⁹ Из Роберта Бэрнса. (Прим. ред.)

веру, но объясняется это отнюдь не недостатком миссионерского рвения у сего магната печати. Пропаганда в пользу Мосли выливалась в форму хвалебных передовиц, сугубо тенденциозных сообщений о деятельности фашистов или помещаемых на видном месте статей самого Мосли. Порой применялась и более тонкая техника, примером чего может служить анкета в «Ивнинг ньюс», имевшая целью вызвать интерес к митингу в Альберт-холле 22 апреля 1934 г. За несколько недель до этого митинга «Ивнинг ньюс» предложила своим читателям открыткой ответить на вопрос «Почему мне нравятся чернорубашечники». Ответы, по пятнадцать – двадцать одновременно, печатались из номера в номер на страницах «Ивнинг ньюс», и за 250 лучших ответов назначалась премия... два билета в Альбертхолл.

Несомненно, что из множества ответов, полученных редакцией «Ивнинг ньюс», значительная часть была прислана самими чернорубашечниками. Отдел пропаганды Б. С. Ф. никогда не упускал таких возможностей. Всего за несколько месяцев до того районные организаторы и пресс-секретари Б. С. Ф. по всей стране получили следующее циркулярное письмо:

Британский Союз Фашистов
(Отдел пропаганды в печати)

Кингсроуд, Челси.

Совершенно секретно, по прочтении уничтожить.

Все вы, несомненно, читали волнующую статью виконта Ротермира в «Дейли мейл» от 15-го сего месяца. По всей вероятности, статья эта вызовет полемику на страницах той же газеты. Кроме того, большинство сегодняшних ежедневных газет неблагоприятно комментирует новую политику открытой поддержки фашизма, которую решило проводить влиятельное газетное издательство Нортклиффа.

Желательно, чтобы выступление «Дейли мейл» нашло одобрение и поддержку среди читателей.

С этой целью всем районным организаторам и пресс-секретарям поручается проследить, чтобы из каждого районного отделения в редакцию «Дейли мейл» было послано не менее десятка писем с выражением одобрения и поддержки взглядам, высказанным виконтом Ротермиром в его волнующей статье.

В качестве мотива, якобы побудившего читателей «Дейли мейл» написать эти письма, предлагается взять нападки ряда органов печати на виконта Ротермира и его группу газет.

Разумеется, дело должно выглядеть так, будто читатели, приславшие эти письма, не связаны с Б. С. Ф., а только сочувствуют фашизму и решили активно поддержать автора этой прекрасной статьи.

Если все отделения выполнят свой долг, у виконта Ротермира создастся впечатление, что почти вся страна уже стала фашистской, и он еще более энергично будет поддерживать наше движение. В ближайшие дни почтовому ведомству придется выделить лишний грузовик для перевозки корреспонденции Нортклифф-хауза! Просьба провести эту кампанию с должным усердием.

Подпись – Л. У. Ивенс, нач. отд. пропаганды в печати.

М-р Ивенс сам показал пример – в «Дейли мейл» от 16 января появилось следующее письмо в редакцию за его подпись:

«Сэр! Лорд Ротермир, призывая к государственной политике действия, более созвучной со славными традициями нашей страны, выражает чувства девяти десятых нашего народа.

Англия не идет к упадку. Свидетельством тому является возникновение и рост политики чернорубашечников, поддержанной нашей энергичной и жизнеспособной молодежью.

Желаем успеха!»

Уильям Ивенс, Лондон. Адельфи, Иорк-билдингс, 12.

Через несколько недель после вышеупомянутого митинга в Альберт-холле пресса Ротермира начала бесплатно рекламировать подготовляемый Б. С. Ф. митинг в Олимпии. А когда, после этой безобразной оргии фашистских зверств, разразилась буря общественного протesta, газеты Ротермира встали на защиту Мосли и всячески старались умалить позор, которым Б. С. Ф. покрыл себя в глазах порядочных людей. 9 июля 1934 г. «Дейли мейл» напечатала дружеский обмен письмами между лордом Ротермировым и Мосли. Благородный виконт в своем письме выражал надежду, что Мосли объединится с консерваторами против социалистов, и заканчивал «добрными пожеланиями» на будущее.

Насколько нам известно, сам Ротермир не был членом Б. С. Ф., и в этом нельзя усомниться непоследовательности. Он принадлежал к той группе консерваторов, которые в своей ненависти к организованному рабочему классу и в страхе перед ним готовы поддержать любое контрреволюционное движение, сущее бастионам привилегий и прибылей защиты от «красного штурма». Если фашисты добьются своего, с ними, возможно, придется пойти на сделку. А пока можно не сомневаться, что они окажут сопротивление всяким решительным действиям слева, например – всеобщей забастовке.³⁰ Некоторые консерваторы поддерживали фашизм, потому что были твердо убеждены в родственности консервативной и фашистской «идеологии». Особенно ярким представителем этой группы является сэр Томас Мор, депутат парламента от Эйр Бэрз, которого митинг в Альберт-холле 22 апреля 1934 г. вдохновил на следующее высказывание:³¹

«... Я прислушивался к звенищему голосу сэра Освальда Мосли... Почти все, если не все, о чем он говорил, приемлемо для самых лояльных последователей нынешних лидеров нашей консервативной партии. Большинство основных вопросов и многие детали целиком соответствуют строго консервативной доктрине... Ведь не может быть серьезных расхождений во взглядах между чернорубашечниками и их родителями-консерваторами? А родство это не подлежит сомнению... Он (Б. Г. Ф.) в значительной мере является отприском консервативной партии... Эта связь безусловно может стать более тесной и дружеской».

Движение Мосли достигло высшей точки в тот период, когда ему оказывали мощную поддержку «Дейли мейл», «Ивнинг ньюс» и «Сандей диспетч». Позже, когда над Европой сгустились тучи гитлеровского фашизма, Ротермир увидел, что поддерживает движение, на которое огромное большинство англичан смотрит с возрастающей неприязнью и подозрительностью. Тогда этот магнат печати отмежевался от Б. С. Ф. Но до самой войны фашисты продолжали выражать ему благодарность и почтение.

Друзья в Сити

Всякому новому политическому движению, помимо поддержки в печати, нужны деньги, много денег. Вот тут-то Мосли имел случай использовать расположение, которое определенная группа капиталистов выказывала по отношению к фашизму, где бы он ни поднял голову. Ряд крупных промышленников еще в дни «Ноной партии» начал щедро субсидировать развитие фашизма в Англии. Некоторые из них, притом самые видные, прекратили свою помощь через год-другой после основания Б. С. Ф.; но еще в конце 1936 г.

³⁰ «Движение чернорубашечников – единственная для Англии гарантия против такого безумия» (lord Ротермир, «Дейли мейл», 25 января 1934 г.). (Прим. автора.)

³¹ «Дейли мейл», 25 апреля 1934 г.

в интервью для «Джорнале д'Италия» Мосли заявил, что по-прежнему «получает поддержку от английских промышленников». Более того, он сказал, что «ряд промышленников северной Англии, до сих пор поддерживавших его тайно из опасения бойкота их товаров, теперь открыто признают свое единство с фашистами».³² А когда перед самой войной у Уильяма Джойса спросили: «Правильно ли будет сказать, что крупный капитал оказывает вам финансовую поддержку?», этот ныне, к счастью, уже повешенный предатель ответил одним словом: «Да».

У промышленников были все основания хорошо относиться к Мосли и к фашизму. Во-первых, Б. С. Ф. выступал против социализма и коммунизма. Во-вторых, Б. С. Ф.ставил себе целью сломить силу организованных рабочих путем разгрома их профсоюзов, лишения их права на забастовки и подчинения их фашистской диктатуре. Для промышленников уже этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы сделать из Мосли героя. Но в фашистской доктрине был и третий, еще более привлекательный для них пункт. *Капитализму и частному предпринимательству ничто не грозило в случае победы фашизма в Англии*. В своей книге «Великая Англия» Мосли подчеркивал, что «извлечение прибылей будет не только разрешено, оно будет поощряться». И позже в своем «Открытом письме представителям делового мира»³³ он обещал: «В корпоративном государстве ваши предприятия останутся при вас». Вот человек, мыслящий здраво, решили капиталисты: мы сохраняем наши предприятия, рабочие лишаются своих профсоюзов. Далее, фашизм обязывался охранять интересы английских капиталистов (даже в ущерб английскому потребителю), «по возможности» вытесняя с рынка все иностранные товары. В основу его торговой политики клалась защита интересов отечественных капиталистов, другими словами, он стремился раздуть до предела один из главных факторов мирового экономического кризиса межвоенного периода.

Наконец, Мосли обещал «Новый курс» даже «купонщикам», классу рантье, которые ничего не производят, а живут на дивиденды, создаваемые чужим трудом. Вот что написано черным по белому на 130-й странице «Великой Англии»: «До сих пор держателя акций, несущего наибольший риск в промышленном предпринимательстве, рассматривали в целях обложения налогом как обладателя «незаработанных доходов»... Все это нелогично и рассчитано на то, чтобы отбить охоту к предпринимательству, от которого зависит будущее нашей промышленности». В ответ на эту поддержку рантье вступали в Б. С. Ф. или доказывали свое одобрительное отношение к программе Мосли щедрыми денежными взносами. Эти взносы вместе с субсидиями крупных капиталистов шли на покрытие огромных расходов на пропаганду и демонстрации в первые три года после основания Б. С. Ф.

Деятельность «Академическая»

Сравнительно поздно Мосли спохватился, что ему нужны молодые фашисты-интеллигенты в помощь таким писателям, как Рэвен Томпсон, Джон Бекет, Уильям Джойс, А. К. Честертон, Энн Брок Григгз и другие.³⁴ В поисках новых талантов он обратился к университетам и нашел подходящего вербовщика в лице Д. Р. Стаки, юриста, окончившего Ориельский колледж Оксфордского университета. Была учреждена Федерация

³² «Ньюс кроникл», 19 октября 1936 г.

³³ «Фашистская неделя» (Фашист уик), 1 февраля 1934 г.

³⁴ Кроме них, фашистскую прессу представляли Джем Дреннан, Джориан Дженкс, Джоан Морган, Рой Кэмпбелл (поэт), Карлион Беллэрс, Э. Кларк, Клод Сэттон, Томас Уолтер, Майкл Голдинг, Э. Г. Кларк, Ф. Д. Хилл, У. Рисдон, А. П. Лори, Брюс Хэйвелок, К. Бисни и Питер Хэйуорд.

британских университетских фашистских ассоциаций с центром в Оксфорде, и Стаки занял в ней пост секретаря. Федерация ставила себе целью открыть отделения во всех двадцати шести университетах Британских островов, и к 1938 г. уже были основаны местные ассоциации в Оксфорде, Кембридже, Бристоле, Лондоне, Шеффилдсе и Манчестере.

Официально эти ассоциации считались группами для «академического» изучения фашистской доктрины, но все секретари назначались из членов Б. С. Ф. и были ответственны перед ним за свою работу. 29 января 1938 г. «Ньюс кроникл» поместила интервью с м-ром Стаки, частично цитируемое ниже:

«М-р Стаки говорит с увлечением фашиста-фанатика. «Федерация быстро растет, — сказал он. — Мы повсеместно налаживаем связи, и наша задача становится все легче, потому что среди поступающих в университеты уже много убежденных фашистов. Кроме того, мы перестали встречать серьезное противодействие, потому что лейбористские и коммунистические элементы в университетах утратили весь свой революционный пыл и ведут лишь арьергардные бои». М-р Стаки сообщил, что, хотя его движение носит антисемитский характер, евреи имеют доступ в местные ассоциации при условии, что они аккуратно платят взносы и ведут себя достаточно скромно».

В Англии издавна повелось, что сыновья богатых родителей, не проявившие особого рвения и способностей к университетским наукам, шли в армию. Теперь Б. С. Ф. предлагал им участие в движении, сулившем им более интересное занятие, чем служба в армии мирного времени, при равных возможностях проявить талант командира и удовлетворить свое стремление к субординации. Может быть, именно эта сторона фашизма и привлекла в ряды Б. С. Ф. многих отставных военных в высоких чинах, например, генерал-майора Дж. Ф. С. Фуллера и подполковника Г. Э. Крокера. Фуллер энергично пропагандировал движение Мосли и написал одну из самых популярных фашистских брошюр: «Что может предложить Британии Британский союз фашистов». Крокер впервые обратил на себя внимание публики, поместив в эссекской газете такое объявление:

«Фашизм в Эссексе. Подполковник Г. Э. Крокер, бывший командир Эссекского полка, назначен уполномоченным по Эссекскому району. Он ждет вестей от однополчан и от всех, кто интересуется фашистским движением».³⁵

Следует еще упомянуть о «Январском клубе». Клуб этот был основан 1 января 1934 г.; председателем его стал сэр Джон Скуайр, редактор «Лондон меркюри», секретарем — майор Ийтс-Браун, автор книги «Две жизни улана Бенгальского полка». По словам сэра Джона Скуайра, клуб не был фашистской организацией, но «члены его, принадлежавшие ко всем политическим партиям, в большинстве своем сочувствовали фашистскому движению».³⁶ «Январский клуб» устраивал банкеты в отелях Савой и Сплендида. Среди его членов было удивительно много офицеров. Поразительно и то, какие огромные земельные владения и состояния представляли участники клубных банкетов.

Через год после основания клуба сэра Джона Скуайра сменил на посту председателя полковник Н. А. Туэйтс.

«Ваш (фашистский) депутат»

Впервые Б. С. Ф. выставил своих кандидатов в парламент в ноябре — декабре 1936 г. Вот их список, с указанием облюбованных ими избирательных округов:

³⁵ «Манчестер гардиан», 19 ноября 1936 г.

³⁶ «Таймс», 22 марта 1934 г.; «Ивнинг стандарт» от 12 июня 1934 г. сообщала, что цель клуба — «создать центр общения для ведущих деятелей школы фашизма и корпоративного государства». (Прим. автора.)

Сэр Лайонель Бэркли Холд Хэворт (Челси)
Джон Даути (Ившем)
Р. Т. Паркин (Халм, Манчестер)
Бертрам Ф. Листер (Зап. Лидс)
Подполковник Джемс Уолш (Зап. Льюишем)
Эрик Герберт Адамс (Линкольн)
Томас П. Моран (Мертон)
Миссис Нора Элем (Нортэмптон)
Мисс Л. М. Рив (Ю.-З. Норфок)
Вице-адмирал Дж. Б. Пауэлл (Портсмут)
Генерал-майор Дж. Ф. С. Фуллер (Сент-Джордж, Вестминстер)
Лэди Пирсон (Кентербери)
Р. Рэнделл-Беллами (Блекли, Манчестер)
Г. Дж. Гиббс (Стретфорд, Ланкашир)
Э. Дж. Крофорд (Тонбридж)
Г. Г. Фрисби (Уотфорд)
Дж. К-Барри (Уовертри, Ливерпуль)
Вице-адмирал Р. П. Барри (Эбби, Вестминстер)
Клемент Брюнинг (Вуд Грин).

Согласно заявлению генерального директора Б. С. Ф. Ниля Фрэнсиса Хокинса, эти лица составляли ядро группы из ста фашистских кандидатов, поддержанных 400 агентами,³⁷ и если бы не война, то возможно, что они попытались бы проверить на демократической процедуре всеобщих выборов, насколько сильной поддержкой пользуется фашизм среди населения Англии. Выдвижение остальных кандидатов задержалось в связи с отречением короля (по этому, случаю Б. С. Ф. подготовлял большую демонстрацию, которая так и не состоялась) и последующей цепью международных кризисов. Только те, кто имел доступ к секретным документам Б. С. Ф., могут подробно рассказать о людях, которые, в случае победы фашизма в Англии, возглавили бы новый режим. Но следует твердо помнить, что английские фашисты разделались бы с парламентской демократией так же бесцеремонно, как их собратья в Германии и Италии. Подобно им, они презирали и ненавидели демократию, но решили всемерно использовать свободы и привилегии, которые она предоставляла, использовать для того, чтобы обречь ее на уничтожение. В бесчисленных выступлениях и статьях Мосли дал ясно понять, что фашисты, завоевав большинство в палате общин, немедленно отменят свободу слова, свободу печати и свободу политических партий. Первым шагом фашистского парламента будет предоставление абсолютной, диктаторской власти Мосли и его министрам. Облеченный этой властью, Мосли тут же уволит из руководства государственного аппарата, вооруженных сил и полиции всех нефашистов, разгонит рабочие организации, в общем – сделает все, чтобы обеспечить себе пять лет для непрерывной реорганизации страны в духе фашизма. Он обещал, что по истечении срока первого фашистского парламента будут проведены новые выборы, на основе «не географических, а производственных избирательных округов»³⁸, чтобы дать людям возможность «подтвердить свою приверженность правительству». Достаточно было на фашистском митинге задать вопрос: «А что будет, если на вторых выборах фашистское правительство не одержит победы?», и вы могли быть уверены, что вас изобьют и выбросят вон.

Фашистские кандидаты в парламент так и не дождались случая проверить чувства избирателей, но эксперимент в несколько меньшем масштабе был проведен в марте 1937 г.,

³⁷ «Манчестер гардиан», 19 ноября 1936 г.

³⁸ «Десять принципов фашизма», стр. 8.

когда кандидаты Б. С. Ф. баллотировались в трех округах восточной части Лондона во время выборов в Совет Лондонского графства. Это было первое официальное выступление Б. Q. Ф. на выборах, и рассматривалось оно как генеральная репетиция парламентских выборов, на которых фашисты собирались выступить в тех же избирательных округах. В Шордич были направлены Уильям Джойс (нач. отдела пропаганды) и Билл Бэйли (местный фашистский агитатор); в Северо-Восточный Бетнел-Грин – А. Рэвен Томпсон (нач. политического отдела) и «Мик» Кларк (местный фашистский лидер); в Лаймхауз – Энн Брок Григгз (старший женский организатор по южной Англии) и К. Уэйтт Поссер (видный фашистский оратор). Все три места, за которые шла борьба, до этого времени занимали лейбористы.

Любопытно присмотреться к предвыборной политике Б. С. Ф. во время этой кампании, особенно в свете тех результатов, каких добились кандидаты-фашисты. За несколько месяцев до выборов Мосли, по совету Уильяма Джойса, решил проводить кампанию исключительно под лозунгом антисемитизма. Фашистским кандидатам и агитаторам было сказано: «На данном этапе мы, естественно, не можем захватить Совет Лондонского графства, а значит, нет нужды выдвигать программу городского управления Лондона». За месяц до выборов отдел политической пропаганды Б. С. Ф. (во главе которого стояли Уильям Джойс и Рэвен Томпсон) издал секретный меморандум, в котором говорилось:

«Мосли нужен от восточного Лондона мандат на проведение нашей национал-социалистской политики, особенно в еврейском вопросе... Если демократия вообще что-то значит, сейчас народу представляется возможность проявить свою волю путем голосования. Если люди согласны с отношением Б. С. Ф. к евреям, они могут выразить свои истинные убеждения, подав на выборах голос за кандидатов Британского союза... Следует подчеркивать, что евреи забрали в свои руки все нынешние демократические партии... Неудивительно, что население восточного Лондона так долго не могло рассчитаться с евреями за старые обиды, раз во всех политических партиях так сильно еврейское влияние»

Много воды утекло с тех пор, как Мосли, через прессу Ротермира, заверял английскую публику, что чернорубашечники «отнюдь не антисемиты», что религиозные верования евреев «нас не касаются», что «абсолютная религиозная терпимость – непреложный пункт нашей программы» и что «евреям нечего нас опасаться – скорее им следует многоного ждать от нас». ³⁹

В Бетнел-Грин, населенном по преимуществу мелкой буржуазией, фашистские кандидаты сосредоточили свое внимание на мелких торговцах и лавочниках, возбуждая их недовольство против конкурентов – евреев – и обещая им, в случае победы фашистов, «защиту» по расовому признаку. В более бедном районе Шордич антисемитская пропаганда была рассчитана на рыночных торговцев и рабочих мебельной фабрики.

В Лаймхаузе, где докеры составляли крепкое ядро сторонников лейбористской партии, фашистам пришлось удовлетвориться агитацией среди многочисленных в этом районе ирландцев и католиков. Они следовали инструкциям своего отдела пропаганды – «напоминать аудитории о дружбе, которую лидер давно питает к ирландскому народу, и

³⁹ «Ивнинг ньюс», 14 апреля 1934 г. В том же году, когда Мосли давал эти заверения, он вел самую дружескую переписку с активнейшим антисемитом-нацистом Юлиусом Штрейхером. Вот типичный образчик ее (позднее опубликованный в «Дейли геральд»):

«Дорогой герр Штрейхер! Очень благодарю Вас за Вашу телеграмму по поводу моей речи в Лестере, – она была получена, когда меня не было в Лондоне. Сейчас, в разгар нашей напряженной борьбы, я особенно ценю Ваше внимание. Пока сила еврейской коррупции не будет сломлена во всех странах, Европа не может надеяться на справедливость и мир. Борьба наша трудная. Победа наша обеспечена. Спасибо! – Преданный Ваш Мосли». (Прим. автора.)

подчеркивать наше стремление к корпоративному государству, особенно импонирующее католикам».

Фашисты не получили ни одного места в Совете графства, но количество голосов, которое они собрали в своем первом открытом выступлении на политической арене, поразило как фашистов, так и антифашистов. В январе 1937 г. Герберт Моррисон заявлял, что «когда они ввязутся в предвыборную борьбу, всему миру станет ясно, что фашизм в нашей стране – ничтожный, недостойный внимания элемент». ⁴⁰ Накануне выборов Р. Коппок, кандидат-лейборист от Лаймхауз, имел смелость предсказывать, что «фашисты не соберут в Лаймхаузе и 500 голосов». ⁴¹ Когда же голоса были подсчитаны, «Манчестер гардиан» сообщала: «Результаты, которых добились все шесть фашистских кандидатов (3028 и 3022 голоса в Северо-Восточном Бетнел-Грине, 2564 и 2492 в Шордиче и по 2086 на обоих кандидатов в Лаймхаузе), указывают на удивительный рост фашистского влияния в некоторых рабочих районах». По мнению «Обсервер», «количество собранных ими голосов удивило даже тех, кто хорошо знаком с жизнью Ист-энда». В самом деле, голосование показало, что в этих трех районах отдали свои голоса фашистам около 8 тыс. налогоплательщиков, т. е. в среднем 18 % всех избирателей; в одном же из округов этот процент доходил до 23, т. е. почти каждый четвертый избиратель голосовал за фашистов. Эти цифры покажутся еще значительнее, если мы вспомним, что Б. С. Ф. только проводил «репетицию»: было выдвинуто всего шесть кандидатов, и при любых результатах фашизм не добился бы ощущительного влияния в Совете графства. В таких случаях, когда речь идет не о том, чтобы добиться *реальной власти* для той или иной партии, голоса подаются в порядке демонстрации, даже с риском отдать лишнее место социалисту или консерватору.

Фашистская пропаганда по мере сил раздувала эти результаты; они приводились в доказательство того, что у фашистов якобы не меньше сторонников среди рабочих, чем в более привилегированных слоях общества. Но на деле выборы в восточном Лондоне показали обратное: они показали, что на огромное большинство рабочих не действует ни фашистская демагогия, ни страшный яд расизма. Докеры, транспортники, заводские рабочие дружно голосовали за победивших кандидатов – лейбористов; фашисты же собрали голоса среди определенной категории мелких торговцев и прочих паразитических, непроизводительных элементов, не являющихся частью организованного пролетариата. Именно эти общественные группы особенно подвержены болезни антисемитизма, в чем Гитлер убедился несколькими годами раньше. Это были люди, уже обращенные в фашизм в результате генеральной кампании, которую Мосли провел в восточном Лондоне, кампании, достигшей своего апогея в великой битве на Кэйбл-стрит в октябре 1936 г.

Но об этом – в следующей главе.

Глава 4

Рабочие поднимаются

В истории рабочего класса Англии слово Олимпия останется таким же символом, как Питерлоо⁴² и Толпуддл.⁴³ Это был поворотный пункт на первом этапе борьбы против

⁴⁰ «Манчестер гардиан», 12 января 1937 г.

⁴¹ «Ист Лондон обсервер», 20 февраля 1937 г.

⁴² Питерлоо (по аналогии с Ватерлоо) – жестокий разгон, силами военных частей, огромней толпы рабочих, собравшихся 16 августа 1819 г. на Сент-Питерсфилд близ Манчестера послушать ораторов, выступавших за парламентскую реформу. Среди рабочих были убитые и много раненых. Главный оратор, Хан был арестован и приговорен к двум годам тюрьмы. (*Прим. ред.*)

фашизма, точно так же, как капитуляция Франции явилась поворотным пунктом на втором, более решительном этапе, который начался в сентябре 1939 г. В солнной Англии предвоенных лет Олимпия вызвала вспышку ненависти к фашизму. Влияние ее на воинствующих антифашистов из профсоюзов и левых политических партий оказалось особенно сильным. Ненависть к Мосли стерла все мелкие разногласия внутри рабочего класса, и в течение нескольких лет, отделявших Олимпию от фашистского похода на Европу, рабочие снова и снова собирались тысячами и десятками тысяч, демонстрируя силу своих антифашистских убеждений.

Первая крупная контр-демонстрация после Олимпии состоялась 9 сентября 1934 г., когда Б. С. Ф., рассчитывая восстановить свой поколебленный престиж, созвал массовый митинг в Гайд-парке. Тысячи чернорубашечников без особой помехи явились на место сбора послушать своего лидера. И тысячи пеших полисменов, окружившие их прочной стеной, оберегали их от щедрой дозы того лекарства, какое они сами в свое время применяли в Олимпии. Но в этот день не голос Мосли звучал в их ушах, а немолчный гул стотысячной толпы антифашистов, которая, подобно морю, испещренному красными точками флагов, волновалась вокруг их маленького черного островка. Это была потрясающая картина. Пальм Датт красочно описал ее в своей «Послевоенной истории рабочего класса Англии» (стр. 257):

«Под палящим солнцем жаркого сентябрьского дня демонстранты стекались со всех сторон Лондона, бодро и весело шагая с алыми знаменами. Никогда не забуду, какое чувство подъема охватило меня, когда колонна, в которой я шел, свернула в парк с Бейсугуттеррод. Справа от аллеи, за пологим склоном, собралась многочисленная толпа, сплошь заполнявшая собой обширную лужайку.

150 тыс. лондонцев собрались здесь, чтобы приветствовать демонстрантов и выразить свою ненависть к фашизму и его делам. Так огромна была эта толпа антифашистов, что самая многочисленность ее вселяла в сердце бодрость, уверенность и восторг».

Митинг Мосли потерпел фиаско, газеты хором сообщали, что антифашистская демонстрация превратилась в «самое большое скопление народа, какое когда-либо видели в Гайд-парке». «Манчестер гардиан» не без ехидства спрашивала: «Какие же размеры принял бы оппозиция, если бы ее поддержала вся сила организованных лейбористов и других партий, так ненавидящих фашизм?» Это был явный намек на профсоюзных бонз, которые, в своей патологической ненависти к коммунистам, советовали лондонским рабочим воздержаться от участия в демонстрации.

В это время Мосли и его сатрапы – в первую очередь Уильям Джойс – уже подумывали о том, чтобы отбросить всякую видимость беспристрастного отношения к евреям и вложить все свои средства и силы в энергичную антисемитскую кампанию в Ист-энде. – Фашистский лидер начинал убеждаться в том, что среднему англичанину нелегко внушить веру в корпоративное государство, подчиненное диктатуре Мосли. Приходилось сужать программу. Нужно было направить недовольство мелкого буржуа на какого-нибудь козла отпущения, на тех, кого можно было представить как корень всех политических и социальных зол, на тех, от кого он, сэр Освальд Мосли, и его армия чернорубашечников могли бы избавить страждущий английский народ. Изучая первые шаги нацизма, он увидел, что движение это почти не развивалось как политическая сила, пока оно не сумело, выражаясь словами д-ра Мэллона, «сосредоточить на евреях чувство разочарования и неудачи, озлоблявшее и отправлявшее германскую нацию». После этого Гитлер быстро пошел в гору. Тактику фашистов в Ист-энде описал Герман Файннер в письме, напечатанном в «Таймс» 13 октября 1936 г.:

«Фашистская техника в точности следует примеру фашистских «squadri» (отрядов) в Италии 1921 и 1922 гг (Особенно в части все расширяющихся мобилизации и кровавых

43 Толпуддл – деревня в Дорсетшире, где в феврале 1834 г. семь сельских рабочих были приговорены к ссылке за вступление в рабочий союз. В знак протеста против этого приговора руководство британских «трет-юнионов организовало в Лондоне 21 апреля того же года многотысячную демонстрацию. (Прим. ред.)

воскресных «экскурсий»). Техника эта такова:

1) Чтобы завербовать сторонников, запугать противников и заставить молчать свидетелей, следует вызвать общественное возбуждение.

2) Люди не будут придавать значения вашему делу, если вы не будете держать себя вызывающе; необходимо разжигать страсти и, главное, – ярость.

3) Важно не столько использовать логические доводы, сколько действовать на самые грубые, даже животные инстинкты, потому что публике уже нечего предложить такого, чего не предлагалось бы ей в программах и в речах лидеров консервативной, либеральной и лейбористской партий. Таким образом, единственный способ привлечь внимание – это провокация и разжигание ненависти.

4) В Англии лучший вид провокации – злостное поношение коммунистов и евреев.

5) Чтобы сохранить организацию «в боевой готовности» в период всеобщего благополучия (уменьшение безработицы, отсутствие экономического кризиса), нужно все время иметь в виду врага, а если врага нет, его нужно выдумать. Цель оправдывает средства.

6) Поэтому в лондонском Ист-энде учреждается штаб-квартира, жителей доводят до исступления оскорблениеми, угрозами будущего террора и запугиванием силами местных головорезов.

7) После систематического применения этих средств в накаленном до предела районе устраивается демонстрация.

Все это приводит к интересным последствиям: а) если жертвы не сопротивляются, демонстрация проходит триумфально, за ней следуют маневры в более крупном масштабе, и крошечное облачко превращается в тучу, заволакивающую все небо; б) если жертвы проявляют негодование, на которое их упорно провоцировали, и готовность защищаться, вы вправе прибегнуть к помощи полиции; ведь у нас демократия, и нужно ее использовать для нашей цели, т. е. для ее уничтожения! Стоит только поставить полицию в известность о намеченной демонстрации, и некоторые газеты уже называют ее «официальной»; в) когда взъяренные жертвы предстают перед судом, некоторые судьи даже применяют к ним формулу: «*Cet animal est mechant: quand on l'attaque, il se defend!*»;⁴⁴ г.) полиция, и та будет относиться к вам благосклонно; ведь не вы, а другая сторона доставила ей столько хлопот».

Английский фашизм с самого начала имел возможность играть на антисемитских чувствах, много лет таившихся среди определенной части населения Ист-энда. Поскольку эти расистские настроения порождались общим недовольством экономическими условиями, в периоды кризисов они обозначались яснее; но и в нормальное время деловые способности и трудолюбие евреев вызывали у ограниченных и нетерпимых людей зависть и досаду. Однако активной травли евреев Ист-энд не знал никогда, пока там не развернули своей деятельности чернорубашечники. Раньше в английских газетах не могли бы появиться такие сообщения: «В пятнадцати еврейских магазинах перебиты окна», «Женщину ударили поленом по лицу и выбросили из окна магазина», «Маленькую девочку тоже выбросили в окно».⁴⁵ Никогда раньше видные еврейские деятели не имели основания говорить, что атмосфера в Ист-энде напоминает им предпогромные дни в царской России и в Польше.

Результаты расистской агитации чувствовались по всему Ист-энду, но особенно энергично действовали чернорубашечники в двух районах: в Бетнел-Грине (где, по данным Б. С. Ф., было 4 тыс. зарегистрированных фашистов) и в Стэнни. Здесь, на углу Грин-стрит и Эссиан-стрит, помещался самый крупный из шести ист-эндских фашистских центров, этих очагов заразы, откуда в течение 1936 и 1937 гг. распространялся фашистский террор. После первой волны насилий, прокатившейся по Ист-энду осенью 1936 г., «Ивнинг стандарт» поручил своему специальному корреспонденту Дадли Баркеру произвести «объективное

⁴⁴ Это животное злобное: когда на него нападают, оно защищается (*франц.*) (Прим. ред.)

⁴⁵ «Дейли мейл», 12 октября 1936 г.

расследование в тех районах Ист-энда, где беспорядки происходят особенно часто». Приводим выдержки из первой серии его корреспонденций.⁴⁶

«Очнувшись вечером восточнее Олдгейта, испытываешь странное чувство. Прежде всего поражает напряженная атмосфера затаенного возбуждения, степень интенсивности которого трудно определить. Каждый вечер то тут, то там на улицах собираются митинги, самые громкие – на Виктория-парк-сквере (Бетнел-Грин). На темном фоне деревьев силуэтом выделяется голова оратора. Позади него колышатся знамена; у трибуны толпятся люди, они слушают внимательно и редко перебивают оратора. Вокруг толпы почти сплошной цепью стоит полиция. Медленно проезжают взад-вперед полицейские машины, в освещенных кругах под фонарями стоят лошади полицейских. Во все стороны от этой центральной группы тянутся неровные ряды молодых мужчин и женщин в черных рубашках... И еще дальше, по более широкому Кругу, бродят небольшие группы чернорубашечников... иногда они поют мало музыкальную фашистскую походную песню или выкрикивают лозунги, скандируя имя Мосли.

Никогда еще, кроме как во время предвыборных кампаний, Ист-энду не преподносилась такая непрерывная программа политических развлечений. Каждый вечер, от 7 до 11, житель Ист-энда может принять участие в политической деятельности, напоминающей дополнительные выборы в национальном масштабе, и он вполне может представить себе, что завтра ему предстоит голосовать; но никакие общенациональные вопросы не обсуждаются и не происходит выборов, которые положили бы конец этой процедуре. Говорят, что развлечения не ограничиваются митингами. От главных улиц идут темные, глухие переулки, где по ночам происходят страшные вещи, где рождаются (и опровергаются) слухи о бритвах, запрятанных в яблоках, картошке или в козырьках кепок, о железных трубах и кусках решетки, отодранных от оград, о кастетах, ножах и сапогах, подбитых гвоздями, которые идут в ход как оружие против фашистов, забредших в оппозиционно-настроенные кварталы. Я совершил один поход в Ист-энд в обществе чернорубашечников.

В штаб-квартире в Вестминстере, где курьеры, докладывая о посетителях и даже о телефонных звонках, вздергивают руку в фашистском приветствии, мне дали в качестве провожатых молодого чернорубашечника и его жену, и разрешили ходить куда угодно и задавать какие угодно вопросы.

Мы прошли по Грин-стрит в районный фашистский штаб. Там, посреди комнаты, двое мальчишек тренировались в боксе, и несколько женщин молча глядели на них. Девушки-чернорубашечницы в лиху сдвинутых набекрень шапочках и молодые люди с папиросками рассказали мне кучу страшных историй. Выходило, что в Ист-энде фашистам действительно грозит опасность физического насилия. В Уайтчепеле, но их словам, есть улицы, где по вечерам фашисты не рискуют появляться даже без формы, если их там хорошо знают. Для проверки я предложил одному чернорубашечнику пройти по определенной улице, с тем что я буду следовать за ним в автомобиле на случай, если ему придется уидать. На лице его изобразился неподдельный ужас, и он отказался.

Меня, разумеется, пичкали пропагандой. Мои провожатые из центрального штаба толковали о национальной политике, местных же фашистов интересовала одна тема – антисемитизм. Они сообщили мне, что еще полтора года назад антисемитизм не входил в фашистскую программу, и среди них были даже евреи, «которых затем пришлось исключить». Официально чернорубашечникам не полагается во время демонстраций вслух выражать антисемитские чувства, но, пробыв в их рядах пять минут, убеждаешься, что соблюдения этого правила не пытаются добиться».

Девять месяцев спустя «Ньюс кроникл» направила в Ист-энд своего обозревателя –

46 «Ивнинг стандарт», 2 ноября 1936 г.

пожить некоторое время в еврейской семье. Он сообщил⁴⁷ о некотором улучшении ситуации, которое объяснялось тем, что в Ист-энде теперь днем и ночью патрулировали летучие отряды полиции в форме и в штатском. Но евреи до сих пор так боялись физических репрессий, что умоляли его не называть их в своих статьях. В некоторые кварталы евреи – ни старые, ни малые – вообще не отваживались заходить; многие были вынуждены переселиться на более спокойные улицы, а те, что остались, с ужасом ожидали наступления темноты. «Такая атмосфера и беспорядки, – писал наблюдатель, – несомненно вызваны деятельностью чернорубашечников. Своим агрессивным антисемитизмом они так разожгли страсти, что теперь сами нуждаются в защите. Полиция охраняет их по дороге на митинги и с митингов, следит за тем, чтобы их ораторов не прерывали. Иными словами, действия полиции основаны на предпосылке, что фашистский митинг – легальное собрание, а свободу фашистского слова необходимо оберегать. Когда в результате неслыханных провокаций аудитория выходит из повиновения... полиция арестовывает спровоцированных антифашистов... Политика здесь играет ничтожную роль. Теперь здесь возник новый фактор – мощный фактор расистской агитации, – и пока он не будет устранен, мира ждать нечего».

В этой-то атмосфере, искусственно раскаленной усилиями местных чернорубашечников, английский фашизм провел в Ист-энде и других частях Лондона ряд демонстраций, которые, несмотря на чрезвычайные законы, изданные парламентом под нажимом возмущенной общественности, продолжались почти до самой войны. Начались они 7 июня 1936 г. – в годовщину Олимпии – походом по улицам восточной части Лондона и митингом в Виктория-парке. Противодействие фашистам было слабо организовано и с легкостью подавлялось тысячами полисменов, согнанных со всех концов Лондона, и этот день оказался сплошным триумфом для Мосли. Сотни молодых обитателей Ист-энда, устрашенных этой демонстрацией силы и нагости, бросились к вербовщикам, поспешно натянули черные рубашки и влились в местные банды фашистов, которые в течение всего лета 1936 г. измывались над беззащитным еврейским населением.

Окрыленный этим успехом Мосли со своими помощниками стал подготовлять вторую, еще более внушительную демонстрацию на территории, заселенной его жертвами. Она была приурочена к 4 октября – четвертой годовщине основания Б. С. Ф. Семь тысяч чернорубашечников со всей южной Англии должны были собраться на Тауэр-хилле и оттуда двинуться четырьмя отдельными колоннами в четыре пункта Ист-энда: На Соломон-лэйн (Лаймхауз), на Эш-стрит (Шордич), на Страффордрод (Бау) и к Виктория-парку. Во всех этих четырех пунктах Мосли намеревался выступить на митингах. Тщетно министра внутренних дел сэра Джона Саймона убеждали запретить этот поход. Не возымели действия и протесты разных общественных групп и мэров восточных районов Лондона. Поход Мосли был решен: с антифашистской оппозицией должна была справиться полиция. Никогда еще в Лондоне не видели такого грозного скопления полицейских сил. Шесть тысяч констеблей и весь конный корпус расположились на пространстве между Тауэр-хиллом и Уайтчепелем: по улицам растянулись кордоны, большие отряды охраняли стратегические пункты. О поведении толпы сообщали по радио с особых грузовиков в Скотланд-ярд начальнику полиции сэру Филиппу Гэйму, чей штаб помещался в переулке близ Тауэр-хилла. Велось наблюдение и с полицейского самолета. Все полицейские чины столицы дежурили в этот день либо в Ист-энде, либо в Скотланд-ярде. Постовые полисмены, переброшенные из пригородов в центр, были заменены добровольцами.

Но поход Мосли не состоялся. В Англии, благодушной довоенной Англии бивербруковского изоляционизма и чемберленовской бездарности, в сердцах рабочих жила лютая ненависть к фашистам. Они помнили о своих товарищах, которые в это время в Испании бились в смертельном бою с марокканцами Франко, фашистскими дивизиями Муссолини и воздушными армадами Геринга. И, позаимствовав у своих товарищей –

47 «Ньюс кроникл», 8 августа 1937 г.

испанских республиканцев – славный лозунг «Они не пройдут», английские рабочие бросили его в лицо семи тысячам вымуштрованных чернорубашечников Мосли и всей столичной полиции. Коммунисты и независимая рабочая партия обратились с призывом ко всем лондонским антифашистам стать стеной от Олдгэйта до Лимен-стрит и на всех остальных путях следования фашистов. Для второй линии обороны были мобилизованы свыше 10 тыс. антифашистов из бывших военнослужащих; многие из них явились в военных фуражках и гимнастерках. Были выброшены лозунги:

Помни об Олимпии!
Преградим дорогу фашизму!
Они не пройдут!

Задолго до двух часов пополудни, когда фашисты должны были двинуться с Тауэр-хилла по улице Майнориз в Ист-энд, рабочие стали планомерно скопляться толпами по 50 тыс. Пока фашисты стягивались на Тауэр-хилл под охраной плотного кордона пешей и конной полиции, другие отряды полиции пытались расчистить улицы на протяжении четверти мили Но оказалось, что на стыке Олдгэйт и Коммершелрод образовался непроходимый затор. Полиция и фашистские организаторы решили пропустить колонны в обход Уайтчепеля – по Кэйбл-стрит и обратно на Коммершелрод. И на Кэйбл-стрит антифашисты выиграли бой. Улицу преградила огромная баррикада, наскоро возведенная из булыжника, досок, и опрокинутого грузовика. Подступы к баррикаде усыпали битым стеклом, на случай атак конной полиции, а из-за баррикады тысячи воинствующих антифашистов оглашали воздух своими боевыми лозунгами. Сотни полисменов больше десяти раз бросались в атаку с дубинками, прежде чем им удалось пробить брешь в баррикаде. С каждой атакой росли потери обеих сторон, но сопротивление рабочих не было сломлено Перегруппировавшись, они строили новые баррикады позади первой.

Тем временем начальник полиции в своей «ставке» близ Тауэр-хилла в великом смущении пытался оценить обстановку по донесениям, поминутно поступавшим к нему от подчиненных. Мосли еще не прибыл на место, но его помощники настаивали на проведении демонстрации, даже если она окончится кровопролитием, равного которому Лондон не знал в мирное время. В 3.30 приехал Мосли. Он сидел рядом с шофером в длинном черном автомобиле, ветровое стекло которого мгновенно разлетелось вдребезги от камня, пущенного антифашистом. На лидере была новая форма: черный китель военного покроя, серые бриджи, высокие сапоги, черная военная фуражка и фашистская нарукавная нашивка. Его машине медленно продвигалась под охраной мотоциклистов-чернорубашечников, с обеих сторон сотни рук поднимались в приветствии, и фашисты тянули свое обычное «Мосли, Мосли! Мы хотим Мосли!» Во время этого представления сэр Филипп Гэм наконец решился: он запретит демонстрацию, а с сэром Джоном Саймоном уладит вопрос задним числом. Мосли был вызван к начальнику полиции и получил указание вывести своих чернорубашечников из Ист-энда. Подгоняемые тысячами озлобленных лондонцев, колонны фашистов, не солено хлебавши, отошли через Истчип и Куин-Виктория-стрит на набережную. У Темпля полицейский кордон задержал антифашистов и позволил Мосли отвести его молодчиков в более безопасное место, где он мог их распустить.

Олимпия была частично отомщена. В этот октябрьский день 1936 г. фашисты *не прошли*.

«Мосли за мир»

Еще более серьезным ударом по Б. С. Ф. явился законопроект об общественном порядке, который парламент был вынужден рассмотреть в связи с событиями 4 октября. По новому закону, вступившему в силу с 1 января 1937 г., ношение формы, особенно привлекавшей новичков, было запрещено, права фашистских распорядителей на митингах в

помещениях и под открытым небом сильно урезаны, а министр внутренних дел облечены более широкими полномочиями в отношении политических демонстраций. Закон этот был направлен главным образом против псевдо-военных организаций, «созданных, обученных и снаряженных с целью использования их для демонстрации физической силы при осуществлении политических задач». Фашисты, само собой разумеется, подняли вой на протеста против этого «посягательства на демократическую свободу». Мосли, уязвленный своим поражением в Ист-энде, находился в это время в Берлине, куда он полетел, чтобы обсудить с Геббельсом методы пропаганды. Когда, по его возвращении, его попросили высказать свое мнение о предполагаемом законе, он заявил лондонскому корреспонденту «Джорнale д'Италия»: «Мы являемся свидетелями своеобразного союза консерваторов с социалистами против фашистов. Красные нападают на нас, мы защищаемся, а потом консерваторы сваливают на нас вину за беспорядки. Теперь правительство собирается запретить нам ношение формы. Но демократия, как всегда, запоздала. Фашизм уже определил собою дух и дисциплину нашего движения. Запрещение формы ни на один день не задержит развития этого духа».⁴⁸

В следующие восемь месяцев деятельность Б. С. Ф. в Ист-энде ознаменовалась новыми зверствами – фашисты надеялись вернуть себе престиж, утраченный в октябре 1936 г. Однако антифашистская оппозиция сильно окрепла, и фашисты постепенно переходили на положение обороняющейся стороны. Наконец, в июне 1937 г. они решили, что силу их движения, явно идущего на убыль, могут поднять только новый массовый митинг и демонстрация в восточной части Лондона. Но едва они успели разработать план этих выступлений, как в дело вмешался министр внутренних дел: 21 июня были на 6 недель запрещены все демонстрации в Ист-энде. Это было первое применение нового закона об общественном порядке.

Чтобы не откладывать столь тщательно подготовленной демонстрации, Мосли решил провести свои когорты от Кентиштауна к Трафальгар-скверу. 4 июля чернорубашечники собрались на Инслип-стрит в Кентиштауне, где Мосли произнес речь с крыши автомобиля. Их было 6 тысяч, но они тонули в огромной толпе, сопровождавшей их по всему пути их следования. Более 3 тысяч полисменов поддерживали порядок и охраняли чернорубашечников, а вокруг памятника Нельсону огромное пространство было оцеплено, чтобы дать Мосли возможность вторично выступить перед своими истерически возбужденными штурмовиками. Но едва ли даже сам лидер слышал собственный голос, а присутствовавшие его безусловно не слышали. За полицейским кордоном несметные толпы рабочих не смолкая гудели и выкрикивали антифашистские лозунги, пока митинг не закончился, и чернорубашечники под охраной полиции не проследовали на набережную, откуда их распустили по домам.

Но прекратить свою деятельность они не хотели... Тучи войны, собирающиеся в то время над Европой, имели для Мосли особое значение. Приближался час, когда силы фашизма во всем мире должны были бросить черную перчатку в лицо демократии. В Англии Мосли с нетерпением ждал этого часа, – через две недели после объявления войны он писал:⁴⁹

«Мы знаем из истории, что движение, подобное нашему, может притти к власти только после войны или крупного экономического потрясения. Но мы и без наличия этих факторов достигли таких успехов, что стало ясно: так или иначе, после долгой, упорной борьбы, мы придем к власти. Сейчас впервые возникли условия, благодаря которым миссия Британского союза фашистов скоро станет

⁴⁸ В тот день было ранено более ста полисменов; потерян антифашистов, несомненно, были гораздо значительнее. (Прим. автора.)

⁴⁹ В западной аристократической части Лондона. (Прим. ред.)

очевидной для всех. Каков бы ни был исход нынешних событий, для Британского союза приближается решительный час. Создается положение, при котором наша победа не только неизбежна, но и близка».

Чтобы встретить это положение во всеоружии и использовать его быстро и решительно, организация фашистов должна была быть очень многочисленной, иметь железное руководство и пользоваться уважением больших слоев общества. Но уже в 1937 г. интерес к Мосли стал заметно остывать. Все труднее становилось находить помещения для его огромных митингов: владельцы залов слишком хорошо запомнили Олимпию. И газеты, словно сговорившись, уделяли все меньше места сообщениям о деятельности Б. С. Ф. Ист-энд как арена для демонстраций фактически отпал, и Мосли обратил было свои помыслы на южную часть Лондона. Но в южном Лондоне рабочие ненавидели фашизм так же, как в Ист-энде, в чем Мосли убедился 3 октября 1937 г., когда провел демонстрацию 2 тысяч чернорубашечников из Вестминстера в Бермондси. Этот поход, которого властям вообще не следовало допускать, закончился уличными боями, дотоле не виданными в Лондоне. Антифашисты выставили против Мосли все свои силы, и к ужасу обитателей, их тихие воскресные улицы превратились в поля сражений, а крылечки домов – в перевязочные пункты, где действовали работники Сент-Джонской больницы. 2500 пеших и 50 конных полисменов очищали улицы и сносили баррикады, преграждавшие дорогу фашистам. Полиция, работая дубинками, раз за разом врезалась в ряды антифашистов, чтобы хоть на несколько сот ярдов расчистить путь для колонны Мосли; в переулках лежали раненые, сбитые в этих атаках, среди них много женщин; свыше 100 антифашистов было арестовано.

В ту пору Мосли немало тревожила деятельность «Национал-социалистской лиги» – фашистской группы под руководством Уильяма Джойса и Джона Бекета, отколившейся от Б. С. Ф. Мосли дал «отставку» этим двум фашистским лидерам в середине марта 1937 г., через несколько дней после того, как были объявлены результаты выборов в Совет Лондонского графства. Истинная причина раскола не была обнародована. Мосли заявил в печати, что ему пришлось провести «сокращение платных сотрудников». Своему особому отряду «Сильная рука» он толковал о необходимости «жертв» и о том, что сам он уже отдал движению девять десятых своих доходов. Бекет утверждал, что он и Джойс стали жертвой «злостных мелочных интриг» внутри Б. С. Ф., а Джойс жаловался на то, что Мосли «добивается положения единоличного диктатора континентального типа, при котором никому нельзя слова сказать». Последнее звучит особенно неубедительно, если учесть подлинную причину отставки Джойса. Дело в том, что Мосли и его главный помощник не сошлись в вопросе об отношении Б. С. Ф. к нацистской Германии. Оба они, разумеется, вполне сочувствовали и внешней и внутренней политике Гитлера, но Джойс настаивал на неограниченной пронацистской пропаганде, а Мосли и его генеральный директор Фрэнсис Хокинс в то время рекомендовали некоторую сдержанность. Для Джойса, как начальника отдела пропаганды (Бекет был редактором «Экшен» и «Блэкшерт»), не было третьего пути: он должен был либо принять директиву лидера либо уйти из Б. С. Ф. Он ушел, а с ним ушел и Бекет.

Полиция в Ист-энде расчищает путь для фашистской демонстрация.

С помощью своего пропагандистского листка «Хелмсмен» («Рулевой») Джойс и Бекет привлекли в ряды «Национал-социалистской лиги» много горячих приверженцев нацистского режима; среди них были и перебежчики из Б. С. Ф., которые своими проделками в Ист-энде и других районах Лондона без конца доставляли неприятности уже порядком издерганному лидеру с Грейт Смит-стрит (Б. С. Ф. уже давно выехал из своего роскошного помещения на Кингсрод в Челси). В октябре 1938 г. Джон Бекет, – возможно, опасаясь растущего нацистского фанатизма Джойса, – порвал с «Национал-социалистской лигой» и стал одним из основателей «Британской народной партии», о которой речь пойдет ниже. А Уильям Джойс до самого своего отъезда в Германию занимался совсем уже темными делами. Единственным источником его дохода в это время было ежемесячное пособие от богатого немолодого поклонника-шотландца, проживавшего в Сассексе.

Мюнхенский кризис в сентябре 1938 г. послужил толчком для широкой кампании, проводившейся Мосли под лозунгом «Занимайтесь делами Британии». Чемберлен, которого Мосли до тех пор поносил особенно свирепо, теперь имел сомнительное удовольствие услышать, как лидер Б. С. Ф. назвал его паломничество в Мюнхен «актом мужества и здравого смысла», подтверждением «той простой истины, что личные переговоры между руководителями великих наций – единственный путь к разрешению международных вопросов». В то время в Англии было много людей, разделявших восторги Мосли по поводу мюнхенского предательства; но к концу года и особенно в начале следующего, не менее напряженного, общественное мнение, под влиянием антимюнхенской оппозиции в палате общин, стало привыкать к мысли, что рано или поздно Англии предстоит война против зарвавшихся германских милитаристов. Мосли и его агитаторы предприняли отчаянную попытку возродить заглохшие примиренческие настроения: по всей стране они выступали на митингах с речами на тему «Занимайтесь делами Британии». Наша задача, уверяли они, – заниматься своими собственными делами и не совать нос в дела Европы. Установим с Германией «мужественную дружбу», исходя из принципа «Живи и давай жить другим». То, что Гитлер делает в Европе, нас не касается. Гитлер не тронет ни нас, ни нашей империи, если мы не будем мешать ему в Европе. Колонии Германии следует ей немедленно возвратить; если у нас имеются какие-либо другие неразрешенные вопросы, давайте снова вступим в переговоры с герром Гитлером. Мы увидим, что он – в высшей степени разумный

человек.

В провинции Мосли легко собирал полные аудитории ярых сторонников умиротворения Германии; но на этом критическом этапе несколько тысяч сочувствующих, разбросанных в разных местах, не были для него достаточной поддержкой. Он желал склонить на свою сторону всю Англию. В феврале 1939 г. он просил разрешения выступить по радио но получил отказ; однако через несколько месяцев (16 июля) ему удалось снять выставочный павильон Эрлскорт для большого митинга фашистов и сочувствующих. Этот митинг, «самый многолюдный из когда-либо проводившихся в закрытом помещении», был последним значительным выступлением Б. С. Ф. Бесконечно длинная речь Мосли была разбита на две части: сначала он разразился злобной критикой по адресу прессы за то, что она уделяла слишком мало внимания деятельности Б. С. Ф. и профашистской пропаганде.

Затем более часа он развивал свои взгляды о невмешательстве в европейскую экспансию Гитлера.

Напомнив, что Гитлер дал слово не нападать на Британскую империю и что слово его твердо, Мосли продолжал: «Ну, а если предсказания наших противников сбудутся, хоть я и убежден в обратном, если Германия обернется против нас и скажет: «Подавайте нам Британскую империю, нам нужна ваша четверть земного шара»? Почему считается, будто Британия не сможет устоять против Германии или любого другого государства?» Далее Мосли постарался свести на нет все страхи по поводу возможного вероломства со стороны Германии, указав, что по численности населения Британия равна ей (для доказательства он объединил все «семьдесят миллионов белого населения» Британской империи), а «по национальным ресурсам неизмеримо сильнее». «Ввиду этих фактов, у кого, — спрашивал он, — достанет глупости усомниться в способности Англии победить Германию — или любое другое государство, — не связывая себя договорами с иностранными союзниками? Почему мы не хотим остаться в стороне от того, что происходит или должно произойти в Европе, — остаться в стороне и верить в подавляющее превосходство наших сил?».

Верил ли в этот бред сам Мосли? Неужели он действительно считал, что Гитлер успокоится, завоевав Европу, или что Англия, оставшись в гордом одиночестве, сможет без конца держаться против целого нацифицированного континента? Мосли не глуп. Он лучше многих других в то время знал о силе и беспощадности нацистского режима и о степени подготовленности Германии к войне. Едва ли он сомневался, что в случае войны немцы рано или поздно одержат победу и вторгнутся в Англию. За себя ему не приходилось опасаться; он вполне мог рассчитывать, что окажется у власти. Но в этом случае он был бы только вассалом в вассальном государстве, обязанным выполнять любые приказы нацистских завоевателей.

А он мечтал о другом как для себя лично, так, конечно, и для Англии и Британской империи. Он был слишком убежденным националистом, был слишком увлечен своей концепцией «Великой Англии», чтобы пойти на национальную зависимость хотя бы от достославного фюрера Третьей империи. Он стремился к другому: по его мнению, следовало любой ценой уберечь Англию от такого безумия, как война с нацистской Германией. Пусть армии Гитлера поставят на колени самого главного врага — Россию, а затем и остальную Европу. Когда фашисты завоюют континент, демократы нейтральной Англии будут вынуждены сдать свои позиции. Тогда Мосли и его единомышленники добьются власти в Англии, а затем *независимая фашистская Англия*, возглавляемая Мосли, сможет заключить союз с нацистской Германией. Пропаганда, которую Мосли вел с сентября 1938 г. до своего ареста, не допускает иного истолкования его планов и конечных целей. Лозунги «Мосли и мир» и «Занимайтесь делами Британии» писались красками и мелом на стенах по всей стране, а в среду 30 августа, за три дня до объявления войны, состоялась последняя большая демонстрация Б. С. Ф. в Вест-энде. Тысячи чернорубашечников собрались на Аппер Сент-Мартинз-лейн, чтобы послушать, как их лидер нападает на «военный заговор», а затем проследовали к центральному штабу в Вестминстере и там выслушали еще одну речь. В самый день объявления войны министерству внутренних дел пришлось запретить

фашистский митинг в Бетнел-Грине. В объяснение было сказано, что «опасно собирать большую толпу ввиду возможности воздушного налета», но ничего не было сделано, чтобы пресечь деятельность Мосли в течение следующих двух недель, когда он обезжал все районы Лондона, стараясь подбодрить своих приунывших сторонников.

Теперь его лозунгом было «Мир путем немедленных переговоров с Гитлером». В заявлении о «мирных целях», напечатанном в «Экшен» 16 сентября 1939 г., Мосли сказал, что война – «неизбежный результат попытки продиктовать великой нации ее форму правления». Все попытки навязать Германии чуждые ей формы правления, «чуждые во всех смыслах», окажутся «не по силам английскому народу и будут противоречить его истинным желаниям». Мир будет достигнут, если Англия и Германия придут к соглашению о «демаркации их сфер экономических интересов и имперской ответственности». На митингах, которые он созывал по всей стране, присутствующим предлагалось голосовать либо за войну, либо за «переговоры и мир», и поскольку аудитории почти целиком состояли из фашистов и их сторонников, они, как правило, единогласно выбирали второй вариант. И даже на этом позднем этапе Мосли сумел заручиться поддержкой ряда влиятельных лиц.

Такого рода людей объединял пресловутый «Правый клуб» капитана Рэмзи, основанный примерно за год до войны. Он насчитывал около 375 членов, из которых многие обладали влиянием и властью и в большинстве своем были либо убежденными фашистами, либо их горячими сторонниками. Восьмым в списке членов клуба стояло имя Уильяма Джойса; подвизались в нем также американский предатель Тайлер Кент (приговоренный к семи годам тюремного заключения за шпионаж) и Анна Волкова, осужденная в ноябре 1940 г. за попытку переслать шифрованное письмо «некоему Джойсу в Берлин». На закрытых заседаниях клуба почти всегда председательствовал покойный герцог Веллингтон – президент «Лиги возрождения свободы» капитана Акуорта. Капитан Рэмзи был арестован в мае 1940 г. на основании закона об охране государства. По его словам, клуб прекратил свое существование с началом войны, но члены клуба продолжали встречаться неофициально (Тайлер Кент фактически вступил в члены клуба через несколько месяцев после начала войны). Среди документов, конфискованных полицией в мае 1940 г., был полный список членов клуба. В период 1941–1945 гг. правительство, в котором решающий голос имели консерваторы, отказывалось опубликовать эту пресловутую так называемую «красную книгу», несмотря на многочисленные требования; нужно надеяться, что нынешнее правительство окажется более податливым и лучше поймет свои обязанности по отношению к миллионам лояльных англичан, отдавших все свои силы на войну против фашизма.

Среди других фашистствующих организаций, продолжавших функционировать вплоть до середины 1940 г., выделялись как по размаху своей деятельности, так и по количеству влиятельных патронов «Британская народная партия» и «Британский совет христианского устройства». «Британская народная партия» не скрывала своих симпатий: в своем ежемесячнике: «Пиплз пост» она перепевала «Экшен», пропагандируя умиротворение. Так, она заявляла: «Мы не имеем права утверждать, что с Гитлером безнадежно пытаться договориться, пока мы добросовестно не испробуем этого; до сих пор мы еще этого не сделали». «Если бы Гитлер обманул нас, после того как мы показали бы себя истинными друзьями Германии, мы бы имели основания заклеймить его как изменника; но пока у нас нет к этому оснований». ⁵⁰ Партия эта была антисемитской – последняя из двенадцати статей ее устава гласила: «Британская народная партия защищает английский народ от иностранного влияния и проникновения». Вскоре после начала войны «Британский совет христианского устройства» казначеем которого был капитан Роберт Гордон-Кэннинг, слился с «Британской народной партией» для проведения на страницах «Пиплз пост» совместной кампании за мир.

В мае 1940 г. английский народ, выражаясь образно, оказался прижатым к стене. В том

⁵⁰ Октябрь, 1939 г.

же месяце министерство внутренних дел пошло на решительные меры. 23 мая особым отделом были арестованы Мосли, А. Рэвен Томпсон, Фрэнсис Хокинс, Ф. Э. Бэрдett, капитан У. А. Хик, К. Ф. Уотт, Г. Мак-Кекни, К. Брюнинг, миссис Дакр-Фокс и еще двадцать пять видных членов Б. С. Ф. Аресты во всех концах страны продолжались и в июне, и к декабрю 1940 г уже около 8 тысяч человек было взято под стражу по статье 186. Разумеется, из различных кругов раздавались протесты против этого «ничем не оправданного нарушения свободы личности», и министр внутренних дел сэр Джон Андерсон **был** вынужден сделать в палате общин заявление. Он сказал: «Некая организация, заведомо антисемитская и пронацистская, дала своим членам директиву сеять слухи и заниматься устной пропагандой. В этой директиве сказано, что внезапной атакой на Лондон можно поставить евреев на колени. Вот что творится у нас в стране, и вот против чего направлен новый закон».

Теперь английским фашистам оставалось два вида деятельности: те, кто избежал ареста по статье 186, могли, если они желали рисковать, заняться шпионажем и организацией «пятой колонны». Многие из них были арестованы во время войны за подачу световых сигналов германским самолетам и пересылку нацистам военных сведений через нейтральные государства. Те, кому было разрешено вступить в вооруженные силы Британии, попав в плен, могли предложить свои услуги режиму, которым они так давно восхищались: они могли стать агитаторами или вступить в покрывший себя позором «Британский свободный корпус». Кое-кто из них даже пошел в части СС. После окончания войны почти все эти предатели были захвачены и предстали перед британскими военными трибуналами. Выяснилось, что за редкими исключениями обвиняемые в прошлом были членами Б. С. Ф.

Мы не будем усугублять чувство стыда, какое испытывают родственники многих из этих предателей, перечисляя здесь их имена. В свое время о них и об их деяниях сообщалось в печати, и они были либо казнены, либо приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Но если мы можем забыть о них теперь, когда они для нас больше не опасны, необходимо сделать выводы из самого факта их предательства. На их примере мы узнали, что есть англичане, которые в своем презрении к демократии не останавливаются перед тем, чтобы продать свою родину иностранному государству. Они и люди, подобные им, в других странах Европы подтвердили своими делами то, чему научили нас шесть лет жестоких страданий: что в черной душе фашиста нет места патриотизму, чести, состраданию и укорам совести. Они и их прототипы – нацисты окончательно доказали нам, если тому вообще требовались доказательства, что фашизм и демократия так же несовместимы, как ночь и день.

Глава 5 Гидра вновь зашевелилась

Мы, вероятно, еще пожалеем о том, что цели Объединенных наций в последней войне так и не были точно определены. Это не было недосмотром со стороны руководителей союзных держав: в течение всей войны общественность упорно требовала такого определения от нашего правительства. С аналогичными требованиями время от времени выступали народы и других союзных государств. Может быть, единственным правительством, которое не затрудняли подобными требованиями, было правительство Советского Союза. К несчастью, союзники не сумели договориться и четко сформулировать цели войны, но сумей они договориться, одним из первых пунктов, несомненно, было бы полное и окончательное искоренение фашизма.

На деле повсеместное искоренение фашизма никогда не выставлялось официально как цель войны. Но члены «Большой тройки» упоминали об этой задаче во всех своих выступлениях, и нет сомнения, что если бы солдатам союзных армий предложили назвать ту злую силу, без уничтожения которой не могло быть победы, подавляющее большинство их назвало бы фашизм. Правда, в их сознании фашизм обычно связывался в первую очередь со

странами оси и их сателлитами, да еще, более смутно, с такими странами как Испания и Португалия. Об английском фашизме вспоминали редко, по той простой причине, что он считался давно и окончательно ликвидированным. Всякого, кто в пору боев у Сталинграда и Эль-Алачейна высказал бы мысль, что в послевоенной Англии фашизм возродится как организованная политическая сила, подняли бы на смех или попросту избили. Среди всех случайностей и неопределенностей войны в одном, казалось, можно было не сомневаться: фашизм в Англии умер и не воскреснет.

Пять минут, проведенных среди людей, интернированных в то время в Брикстоне или на острове Мэн по статье 186, поколебали бы нашу благодушную уверенность. Здесь, как клубок ядовитых гадюк, жались друг к другу многие из опаснейших английских фашистов, и здесь, как растение в теплице, крепла и разрасталась идея, которую Мосли в октябре 1939 г. объявил бессмертной. Люди, заключенные в этих лагерях, не терзались угрызениями совести, не думали о возможности исправиться и загладить свою вину. Они питали свой озлобленный ум черной ненавистью к демократии и с тупым упорством неисправимых фанатиков коротали годы заключения, мечтая о возрождении фашизма. Многих из них можно было увидеть в огромной толпе, встретившей ревом одобрения слова Мосли, произнесенные в лондонском Рояль-отеле в декабре 1945 г.: «Английские тюрьмы и концентрационные лагери только укрепили мои взгляды и не изменили моих идеалов. Я вижу, что и ваши взгляды и стремления не изменились».

24 июля 1940 г. сэр Джон Андерсон заявил в палате общин, что фашистов, уплативших последний членский взнос в Б. С. Ф., насчитывается около 9 тысяч. Можно предположить, что с тех пор многие из них, если избежали ареста, отреклись от своей фашистской веры; но столь же справедливо предположение, что значительное число убежденных фашистов к тому времени просто запоздало с уплатой членских взносов и что эта группа примерно равна группе отмежевавшихся, иными словами, – общая цифра попрежнему составляет около 9 тысяч. Целый ряд фактов указывает на то, что общее количество членов и сочувствующих в различных фашистских и фашистующих организациях, возникших после войны, намного превосходит эту цифру.

Важнейшей из этих организаций до самоликвидации ее в начале 1946 г. был «Фонд помощи заключенным по ст. 186», который долгое время служил своего рода центром информации и директив для бывших чернорубашечников, жаждавших вернуться к своей довоенной фашистской деятельности. Председателем этого фонда состоял бывший организатор Б. С. Ф. по восточному Лондону Джордж Данлоп, а его повседневной работой руководил Э. Валериани, в прошлом агент по делам рекламы у Мосли и владелец Холборнского издательства, распространявшего сугубо реакционную литературу. В 1945 г. фонд организовал в Лондоне два больших митинга бывших заключенных по ст. 186, на первом из которых, 24 марта, почетным гостем был сэр Барри Домвиль (организатор пронацистского «Звена»), а на втором, 15 декабря, – сэр Освальд Мосли. Штаб-квартира его являлась национальным центром распространения фашистской литературы. Валериани хвастался, что ему обещан пост редактора официальной фашистской газеты, которая начнет выходить в свет, как только будет отменен контроль над органами прессы.

С ликвидацией «Фонда помощи заключенным» связь между бывшими членами Б. С. Ф. осуществляется ряд мелких и по большей части «подпольных» групп: некоторые из них подчинены общему руководству, другие самостоятельны и представляют каждая какую-нибудь фракцию, на которые фашистское движение стало распадаться к 1946 г. До мая 1946 г. существовали только две организации национального масштаба, объединявшие сколько-нибудь значительные контингенты бывших последователей Мосли, – возродившаяся «Британская народная партия» и «Лига участников и участниц войны». Ни та ни другая организация не желает называться фашистской. Однако секретарь «Британской народной партии» Джон Бекет признал, что среди членов этой партии имеется 300–400 бывших фашистов, и многие бывшие члены Б. С. Ф., вероятно, считают ее политику лучшим из временных заменителей откровенного фашизма. Сохранились все двенадцать статей ее

довоенного устава (включая статью об иностранцах); в начале 1946 г. она объединяла 4–5 тысяч членов и намеревалась открыть 150 отделений по всей стране.

«Лигу участников войны» тоже возглавляет бывший фашист – Джейфри Хэмм. В настоящее время лига не обладает ни реальной силой, ни разветвленной организацией, и если не считать нескольких неудачных попыток созвать митинги в Лондоне, она и не претендует на широкую известность. Организация эта была связана с «Лигой действия британских виджилантов» (бдительных), которая не так давно утверждала, будто насчитывает много тысяч членов, что не помешало ее митингу в Альберт-холле в марте 1946 г. с треском провалиться, благодаря противодействию коммунистов, хлынувших на эстраду и буквально вырвавших ведение митинга из рук Джона Прина – основателя «Лиги виджилантов» и тоже бывшего члена организации Мосли. Оставляя в стороне всякие мелкие группки, объявившиеся в разных концах Англии после войны, можно закончить краткий обзор *открытой* фашистской и профашистской деятельности в Англии упоминанием о «Лиге христианских реформистов», известной также под названием «Кингдом хаус». Политического значения она, по существу, не имеет, – это объединение религиозных психопатов, одержимых манией преследования, столь обычной среди известной категории людей, побывавших в заключении. Руководители этой группы – Дж. Л. Бэттерсби и капитан Т. Дж. Сент-Барб Бэйкер – типичные юродствующие поклонники Гитлера, каких немало вертелось вокруг Б. С. Ф. до войны.

Все эти группы и организации требуют неустанного наблюдения со стороны тех, кому дорога демократия; но все они, порознь и вместе, – ничто перед угрозой появления на свет нового Британского союза фашистов. Называться он, конечно, будет иначе. В настоящее время фашистское движение, насколько можно судить, раскололось; имеется большинство, чья организация будет, очевидно, именоваться «Британским союзом национал-социалистов», и экстремистское меньшинство, намечающее для себя название «Объединенный фашистский союз». По всей вероятности, многие из бывших членов Б. С. Ф. вольются в новый Британский союз, однако еще неясно, вернется ли Мосли к руководству английским фашизмом или предпочтет, хотя бы на первое время, остаться в тени.

Но вот что следует усвоить твердо: английский фашизм готовится к генеральному реваншу. Он выйдет на арену, когда сочтет это наиболее выгодным, и с этого момента, пользуясь всеми доступными ему средствами, поведет борьбу за уничтожение демократии и торжество фашистской диктатуры. И мы должны задать себе вопрос: следует ли отнести к возрождению фашизма серьезно, и если да, то какие шаги следует предпринять для защиты демократии от ее злайшего и самого опасного врага?

Ответить на первую часть этого вопроса отрицательно, это значит – оскорбить и предать память миллионов, павших в боях с фашизмом во время войны и в годы, предшествовавшие ей; это значит – равнодушно отмахнуться от подлой бесчеловечности Бельзена и Бухенвальда, от памяти о шести миллионах безвинных мужчин, женщин и детей, умерщвленных на кровавом алтаре фашизма. Люди, отдавшие жизнь в борьбе против фашизма, верили, что своей жертвой они навсегда очистят мир от фашистской язвы. Из уважения к памяти наших павших друзей мы обязаны со всей серьезностью реагировать на угрозу фашизма, где бы он ни поднимал свою отвратительную голову.

Нам говорили, что Мосли «теперь уже не страшен», что и он и Британский союз окончательно дискредитировали себя в глазах английской публики, и всякая возможность вернуть себе политическое влияние для них исключена. Все это, может быть, и верно, но абсолютно не относится к делу. Сила фашизма не в личности какого-нибудь одного человека, не в живучести какой-нибудь одной партии: она заложена в самой *доктрине* фашизма, в доктрине, направленной на то, чтобы пробудить к жизни жестокость, расовое самодовольство и нетерпимость, имеющиеся во всяком обществе, и использовать эти дикарские инстинкты для достижения своих политических целей. В настоящее время девяносто девять человек из ста опрошенных назвали бы себя антифашистами. Но задайте им для проверки ряд вопросов; спросите каждого из них, какую позицию, по их мнению,

следует занять в отношении иммиграции, парламентской системы, социализма, евреев, Пикассо, профсоюзов, равноправия женщин, колониальных народов, России, забастовок. Довольно значительное меньшинство, разбросанное во всех слоях общества, даст вам ответы, которыми сэр Освальд Мосли остался бы вполне доволен. Почти все эти люди – фашисты, хоть это им и невдомек. Не все они оказали бы поддержку, или даже отдали бы свои симпатии новому движению под откровенно фашистской вывеской; этого опасаться нечего. Опасность – в возможности возникновения новой политической силы, которая будет проповедовать чисто фашистскую доктрину под какой-то новой вывеской. Среди буржуазных и мелкобуржуазных аудиторий есть категория людей, которые обрушились бы на оратора, заявившего им, что «фашизм сумеет указать рабочим их место», но встретили бы овацией заявление того же оратора, если бы он пообещал, что в точности ту же задачу возьмут на себя «национал-демократы» или «Движение британского народа».

Есть и другой важный фактор, который необходимо учесть при оценке перспектив неофашистского движения в Англии.

Серьезное поражение, которое консервативная партия потерпела на последних всеобщих выборах, оставило миллионы английских антисоциалистов без крепкого и эффективного политического руководства. Большинство из тех, кто сейчас входит в оппозицию, несомненно сохранит верность консерватизму в надежде, что на следующих выборах эта партия снова завоюет утраченный престиж; но среди меньшинства многие уже выражали свое раздражение и даже презрение по отношению к традиционной правой партии, и они-то, несомненно, отдадут свои симпатии, а может быть, и активную поддержку, всякому новому движению, какое может возникнуть вокруг боевой программы национализма и антисоциализма, если ее фашистская сущность будет достаточно искусно замаскирована.

Едва ли даже самые большие оптимисты из сторонников лейбористского правительства станут утверждать, что оно сумеет справиться с множеством стоящих перед ним внешних и внутренних проблем достаточно успешно, чтобы успокоить и разоружить эту воинствующую оппозицию. Нет, в ближайшие годы не будет недостатка в поводах для недовольства, на котором сможет сыграть скрытое фашистское движение. Не важно, что то же недовольство существовало бы в обедневшей послевоенной Англии, даже если бы его правила коалиция мудрецов: оппозиция стремится использовать недовольство, а не выяснить его причины. До войны многие убежденные антисоциалисты, от мелкого лавочника до промышленного магната, поддерживали откровенно фашистское движение не потому, что им нравились чернорубашечники Мосли или его авторитарная программа, но из страха, что консервативная партия, хоть она и была в то время самой могущественной политической силой в Англии, не сумеет помешать силам социализма захватить парламентскую власть. Сейчас их главная цель – добиться поражения социализма; но их вера в консерваторов, нужно думать, куда слабее, чем была до войны. Новое фашистское движение (для начала – замаскированное и возглавленное лицами с неопороченной репутацией) имело бы для противников социализма почти неотразимую притягательную силу.

Нам могут возразить, что при всем этом большинство англичан – как ни как убежденные антифашисты, а следовательно – всякий рецидив явной или скрытой фашистской деятельности можно спокойно игнорировать. Но это не довод; это шум, который производит страус, зарываясь головой в песок беспечного благодушия; это та самая политика или, вернее, политическая немощь, которая расчистила путь фашизму в странах Европы, это фатальная логика глупца, оставляющего без внимания септическую язвочку на пальце, потому что в остальном он «совершенно здоров».

В своей борьбе за власть фашизм не делает ставки на большинство или на то расплывчатое и туманное, что зовется общественным мнением; его война против демократии не имеет ничего общего ни с подсчетом голосов, ни с контролем над прессой. Прежде всего он подрывает и разрушает здоровье своей жертвы. А затем, когда ее сопротивляемость сведена до минимума и все другие нужные условия налицо, он быстрой лобовой атакой

сбивает с ног одураченную, ослабленную добычу. *Не надежное большинство, а воинственное меньшинство, – вот что ему нужно для достижения власти.*

Будем считать доказанным, что демократия не может позволить себе игнорировать угрозу возрождения фашизма. Спрашивается: какие же контрмеры следует предпринять? В декабре 1945 г. министр внутренних дел сообщил нам, что с отменой статьи 186 закона об охране государства «нет никаких путей помешать деятельности политических организаций, не нарушающих законов мирного времени»; однако через месяц он же заявил в палате общин, что «правительство внимательно изучает вопрос, о лучших способах борьбы с фашистской деятельностью» и что сам он обдумывает «возможность внести в закон поправку, которая расширила бы его нынешние полномочия». С тех пор он, по-видимому, решил, что необходимость в новых законах и в поправках к старым отпала.

Нужно сказать, что перед министром внутренних дел стоит поистине труднейшая задача. Политическая свобода – основа и сущность здоровой демократии, и нельзя легкомысленно на нее посягать или урезать ее. С другой стороны, было бы безумием, если бы мы, во имя свободы и демократии, стали терпеть у себя движение, цель которого – уничтожить всякую свободу и демократию. Привилегиями демократии – свободой печати, свободой слова и свободой политических ассоциаций – логически должны пользоваться только те, кто хочет сохранить эти привилегии. Как нам кажется, разрешением этой дилеммы должны явиться новые законы, специально направленные против врага демократии – фашизма. Нет сомнения, что за такие законы высказалось бы большинство, и в парламенте, и среди населения страны; но здесь мы сталкиваемся с новой проблемой. Что такое фашистская программа? Есть ли в фашистской доктрине особенности, отличающие ее от всех других политических доктрин? Ясно, что если такие особенности имеются, значит можно найти и способ поставить фашизм вне закона, не посягая на свободу нефашистских политических организаций.

В фашистской доктрине есть три таких особенности. Прежде всего, это расистская теория, обычно претворяющаяся в жизнь в виде неистового антисемитизма. Затем – теория корпоративного государства, которая, хоть и существовала задолго до появления современного фашизма, в настоящее время связывается исключительно с ним. И наконец – лютая ненависть и презрение к демократии. Человек или организация, разделяющие любую из этих трех теорий, не обязательно сторонники фашизма, но тот, кто разделяет их все, стоит целиком на фашистских позициях.

Перед министром внутренних дел открыты два пути: он может либо ввести новые законы, определяющие и запрещающие всякую фашистскую деятельность отдельных лиц, групп или организаций, либо сделать более суровыми существующие, законы, например, закон об общественном порядке и закон о подстрекательстве к мятежу. Последняя мера оградит общество хотя бы от самых вопиющих эксцессов фашистской пропаганды и политического бандитизма. Оба эти метода, вероятно, подвергнутся нападкам как «недемократичные», но в действительности опасность для демократии представляет лишь второй из них. Ни в законе об общественном порядке, ни в законе о подстрекательстве к мятежу не проведена грань между фашизмом и другими политическими течениями, а следовательно, усиление этих законов серьезно угрожало бы свободе действий нефашистских организаций. Далее, мало смысла усовершенствовать эти законы, если нет уверенности, что полиция будет энергично проводить их в жизнь. Возможно, что в наши дни английский фашизм и не мог бы мечтать о реванше, если бы в предвоенные годы полиция не проводила так упорно пристрастной политики бездействия. На каком бы курсе ни остановился министр внутренних дел, нужно надеяться, что антисемитизм в любой его форме будет объявлен *уголовным преступлением*. Уже этот закон лишил бы наших послевоенных фашистов одного из самых мощных орудий пропаганды.

А в остальном мы, как и в дни расцвета Мосли, должны полагаться на антифашистскую оппозицию, которая теперь, как и тогда, черпает свою силу и боевой дух у рабочего класса, а свое вдохновение – у левых политических партий. Эти люди будут знать, как поступить с

фашизмом, когда он снова появится на английской сцене. Они не забыли Олимпии, не забыли и того, что затем произошло в Европе. Достигнуть победы над социальной несправедливостью, бедностью ивойной простые люди во всем мире смогут лишь после того, как фашизм и то исконное зло, которым он питается, будут навсегда изгнаны из человеческого общества.

Приложение

Показания пострадавших, а также врачей и других лиц, оказывавших им помощь в день митинга в Олимпии 7 июня 1934 г.

Джэкоб Миллэр, Клифф Филдрод, Шеффильд; показания, данные в больнице Сент-Мэри Эббот и опубликованные в «Ньюс кроникл» 13 июня.

«Под этими бинтами – шесть глубоких порезов, на которые наложено десять швов. Под правым глазом у меня, как видите, синяк, а большой палец левой руки так сильно ушиблен, что я не могу его согнуть. Кроме того, у меня ушибы за обоими ушами и пропала пластина с четырьмя вставными верхними зубами.

Я – студент Шеффильдского университета. Не принадлежу ни к какой политической партии... Билет на доклад сэра Освальда Мосли мне дал знакомый студент. Сначала нарушения меня просто раздражали. Потом меня возмутили слова Мосли: «Этим нарушителям нас не запугать». Я сказал, имея в виду публику: «Нас тоже не запугали, нас просто дурачат». Тут же ко мне подлетели шесть фашистов, схватили меня и сбросили через барьер прямо на арену. Я упал с высоты около десяти футов и на минуту лишился сознания. Когда я очнулся, другие фашисты, поджидавшие внизу, вывели меня из помещения в какой-то двор. Появились еще «распорядители», и когда меня швырнули на землю, вокруг меня было не меньше двадцати человек. Я был совершенно беспомощен, и они сейчас же стали избивать меня; били по голове и по всему телу.

Я видел, как один из них замахнулся и ударил меня свинчаткой; я тут же почувствовал, что заливаюсь кровью. Кто-то наступил мне на палец руки, я до сих пор им не владею. Ударом в рот у меня выбили вставные зубы. Избив меня, фашисты выкинули меня на улицу. Я был оглушен и шатался как пьяный; какой-то прохожий оказал мне помощь... Он привел меня в дом врача, где мне промыли раны. Врач напоил меня чаем, дал мне отдохнуть, а потом привез в больницу».

Сэмюэль Майзель , Хай-стрит, Стрэтфорд.

«Я пошел в Олимпию, по собственному желанию; у входа чернорубашечники дали мне билет. Войдя в огромный зал, я занял удобное место на одной из галерей. Не успел я сесть, как на другой галерее люди стали перебивать оратора. Их немилосердно избивали.

Мне стало так противно, что я уже собирался уйти, но тут недалеко от меня раздался возглас: «Это не новая война, а борьба за существование!» К нам двинулось человек двадцать чернорубашечников; рядом со мной сидели две женщины, я видел, что им грозит опасность. Я ударил одного из чернорубашечников, который уже занес на них руку. Тогда на меня накинулся человек пятнадцать, ударили меня по лицу, разбили губы и сбросили с лестницы. Внизу уже поджидала другая группа, меня выволокли в коридор, где двое держали меня за руки, двое за ноги, а остальные избивали. Я потерял сознание. Очнулся я на улице, где стоял, держась за какую-то ограду. Я с трудом сделал несколько шагов и увидел полисмена, у которого спросил, где ближайшая больница. Он резко ответил: «Не знаю!» Я двинулся было дальше, но идти не мог.

Ко мне подошли два молодых человека и спросили, что со мной. Я им рассказал все, как было. Они доставили меня на пункт первой помощи, где мне сделали перевязки, потом меня отвезли в больницу (Сент-Мэри Эббот)».

Герберт Дойл, Пэрсирод 51, Кильберн (Лондон).

«Рабочий, сидевший недалеко от меня, стал шуметь, и несколько фашистов решили выкинуть его из зала. Вмешались другие рабочие, тогда фашисты почему-то набросились на двоих из них и на меня. Каждого из нас схватили семеро фашистов. В свалке я тут же потерял из виду товарищей по несчастью. Меня сбросили с лестницы на другой этаж, потом двое схватили меня, а остальные стали бить кулаками. Я сделал вид, что потерял сознание, и они на время успокоились. Когда я открыл глаза, один из них спросил, как я себя чувствую, я ответил: «Недурно». Тогда он ударил меня башмаком по губам. Больше я ничего не помню до того момента, когда очнулся о машине, увозившей меня в амбулаторию. Мне рассказали, что меня подобрали в каком-то подъезде, где я лежал весь в крови, без шляпы, без пояса и без денег. На губу мне наложили шов, колено промыли и перевязали. Все тело и голова у меня были в шишках и страшно болели. Я поднялся на ноги только поздно вечером, когда почти весь транспорт прекратил работу, и домой пришлось идти пешком. В амбулатории мне дали 4 пенса на автобус. Мне 18 лет».

Уильям Уэйнрайт, Челси (Лондон).

«Двое молодых людей, сидевших ряда на три позади меня, громко выразили свое несогласие с каким-то положением Мосли.

Их сейчас же захлестнула целая волна чернорубашечников, которые стали их жестоко избивать. Той же части подверглись еще несколько человек, тоже нарушивших тишину. В избиении принимали участие чернорубашечники, сидевшие в публике. Но опаснее всего были распорядители, из которых многие были в перчатках.

Мимо меня пронесли человека, которого жестоко мучили. Чернорубашечники выкручивали ему ноги и кричали другим: «Давай, крути ему руки», еще другие били его кулаками по лицу. Не стерпев этого зрелища, я крикнул: «Отпустите его!» и оттащил одного чернорубашечника. На меня накинулись спереди и сзади, ударили по затылку чем-то тяжелым и сбили с ног. Когда я попытался встать, девять или десять чернорубашечников схватили меня и потащили так же, как того несчастного, выворачивая мне руки и ноги и колотя по лицу; они даже отталкивали друг друга, так хотелось каждому добраться до меня. Кровь хлестала у меня из носу и из рассеченного рта. У выхода из помещения ждала новая шайка, встретившая нас криками: «Вот еще один, задай ему, ребята!» Потом надо мной наклонился молодой человек, высокий блондин в спортивной куртке и фланелевых брюках. Я вспомнил, что это он при открытии митинга первым выкрикивал фашистские лозунги. «Я тебя знаю, — сказал он, — сколько раз видел, как ты старался сорвать наши митинги. Задайте ему, ребята...»

Наконец, мы оказались на заднем дворе. Из ворот как раз в эту минуту вышвыривали двух окровавленных людей... Наступила моя очередь, и я наконец вырвался от них и бросился в толпу, стоявшую на улице. Позднее мне зашили губу и оказалось, что у меня смещена носовая перегородка».

К. Ф. Корнфорд (студент), Лондон.

«Примерно через полчаса после начала митинга Мосли в Олимпии произошел особенно громкий скандал на верхней галерее справа. Я со знакомой девушкой сидел на той же галерее слева. Услышав этот шум, она стала выкрикивать лозунги, и я тоже. Публика вокруг нас встала с мест, но я высокого роста, и меня заметили. Один чернорубашечник схватил меня за ногу, свалил и вытащил в проход, откуда меня волокли по полу шесть или семь человек и все время Сили и пинали, а в коридоре подошли еще человек двенадцать и меня потащили за ноги дальше. Не доходя до буфета, они дали мне встать, вероятно потому, что у стойки находилось несколько не фашистов, на которых им не хотелось произвести плохое впечатление. Но на лестнице они опять схватили меня; один из них, здоровый малый, так крепко держал меня за шиворот, что я чуть не задохнулся. Меня сбросили с лестницы,

причем на прощание один храбрый чернорубашечник так ударил меня по лицу, что два зуба у меня до сих пор шатаются...

Я был свидетелем многих случаев зверского обращения чернорубашечников с нарушителями, особенно на арене, где мне с верхнего балкона было хорошо все видно. На каждого нарушителя нападало не менее шести фашистов, которые окружали его и били, прежде чем вытащить за ноги из зала. У нескольких человек не осталось живого места на лице».

Д-Р ...

«В день этого митинга меня вызвали на пункт первой помощи часов в девять вечера. В двух комнатах находилось десятка полтора человек с различными ранениями. Вот несколько случаев, которыми я сам занимался (всего я оказал помочь примерно пятнадцати пострадавшим):

У одного мужчины был глубокий порез на пальце, причиненный каким-то острым орудием. Пришлось наложить два шва. Другой с сотрясением мозга был отправлен в больницу Сент-Мэри Эббот. Еще у одного были острые боли в левой половине груди – вероятно перелом нескольких ребер. Его тоже увезли в больницу. Третий, которого я отправил в больницу, являл собою страшное зрелище. Когда он вошел в дом, лица его вообще не было видно от крови, которая текла из пяти рваных ран на голове. Две из них потребовали наложения швов.

У молодой женщины, получившей сильный удар в живот, началось маточное кровотечение. У другой женщины и у мужчины жизни были в кровоподтеках. Все пострадавшие рассказывали мне, как за дверями зала на них накидывалось по-несколько чернорубашечников и избивали их, иногда на глазах у полиции, ничего не предпринимавшей для прекращения этих зверских расправ».

Д-р П. А. Горер (ныне не практикующий), Фицрой парк, Хайгэйт, 6; оказал первую помощь многим из пострадавших.

«Не стану утверждать, что 7 июня я оказался в районе Олимпии совершенно случайно. Один знакомый дал мне понять, что можно ожидать всяких осложнений, и мне захотелось посмотреть, подтвердится ли здесь то, о чем я читал и слышал в связи с фашистскими митингами.

Сначала я поставил свою машину на одной из улиц, ведущих к фасаду Олимпии. Мой знакомый был со мной в качестве разведчика и санитара. Я подождал немного, но вначале ничего не случилось, если не считать атак полиции на контрдемонстрантов-антифашистов. Тем временем мой разведчик обнаружил, что поблизости есть еще врачи, и я связался с ними, хоть и не без труда, потому что я плохо знаю этот район, а полиция отнюдь не проявляла желания мне помочь. Вскоре на Брайтрод стали один за другим появляться пострадавшие. Другие врачи остались в доме, где был оборудован медпункт, а я, насколько мог ближе, подъехал в машине к подъезду Олимпии, выходящему на Брайтрод. Сделал я это главным образом потому, что обстановка, казалось, требовала присутствия врача. Тем, чьи увечья были не серьезны, я оказывал помочь сам, а тяжело раненых отвозил на медпункт, поскольку легковая машина – мало подходящее место для работы хирурга. Я упоминаю об этом потому, что многих из моих раненых видели и другие врачи. На медпункте велась запись нашей работы, в списке оказалось семьдесят увечий. Сюда не вошли ушибы и т. д., с которыми я справился один.

На улицу было выкинуто множество людей, в той или иной степени изувеченных. На многих была изорвана одежда. С одного мужчины почти совсем сорвали брюки, у другого пиджак превратился в лохмотья и лицо представляло собой сплошное кровавое пятно. Еще один был без сознания, его увезли в чьем-то автомобиле. Большинство пострадавших, которых я видел или кому оказывал помочь, были из рабочих. Не все они до этого вечера были «красными»...

Те, кто стоял у ворот, выходящих на Блайтрод, видели, как на улицу выбрасывали жестоко избитых людей. Одного человека посадили на каменную стенку и обливали водой из шланга. По-видимому, только возмущение толпы заставило в конце концов полисмена вмешаться и сохранило ему жизнь... Я не состою ни в какой политической партии, но то, что я видел и слышал за вечер 7 июня, привело меня к мысли, что поведение оппозиции, этих «красных», которых Мосли называет подонками гетто, куда более соответствовало английской традиции, чем поведение чернорубашечников с их мундирями и флагами».

Д-р А. Т. Г.

«Проходя по Блайтрод вечером 7 июня, я увидел, как из небольшой двери в задней стене Олимпии одного за другим выбросили на улицу нескольких человек. У двери стояло несколько полисменов. Их деятельность ограничивалась тем, что они не давали людям, толпившимся на улице, подходить к пострадавшим и помогать им. Одного человека, у которого шла кровь из раны на лбу, все же усадили в машину, и я поехал с ним в какой-то дом, где оказалось еще человек двадцать, более или менее серьезно изувеченных, в их числе две-три молодые женщины. У нескольких было сотрясение мозга, у других серьезные ушибы лица и головы.

Во время работы в больнице мне приходилось видеть немало людей, пострадавших в уличных драках и т. д. Обычные увечья в таких случаях – подбитый глаз, ссадина, рассеченная губа. Среди жертв Олимпии наиболее серьезные случаи были иного рода. Скорее они напоминали увечья, нанесенные полицейскими дубинками, или повреждения, которые как сообщали газеты были причинены людям, арестованным по месту жительства после Бэркэнхедских беспорядков 1931 г. За все время моей работы в больницах я лично видел такие серьезные увечья только в результате «работы» полиции».

Д-р Г. К. Б. (Лондон).

«Некоторое время, вероятно, около часа, я оказывал первую помощь в наскоро организованном медицинском пункте, пострадавшим на митинге в Олимпии 7 июня... За это время через мои руки прошло 20–30 человек. Среди них две женщины. Было совершенно ясно, что большинство их подверглось жестокому избиению, а не просто было выведено с собрания за нарушение порядка. Помимо увечий на это указывало состояние прострации, в котором находились многие из жертв; они приходили в себя только в результате оказанной им помощи и после отдыха.

Среди множества ушибов, порезов, растяжений и т. п. были два случая лицевых ран, которые никак не могли быть нанесены кулаком: пострадавших либо ранили каким-то оружием, либо ударили головой о камень или железо. Были другие увечья, наводившие на ту же мысль, но эти два случая не оставляют места для сомнений».

«В сегодняшнем номере «Манчестер гардиан» вы печатаете отчет о выступлении сэра Освальда Мосли, в котором делается попытка взять под защиту тактику, примененную чернорубашечниками в Олимпии. Разрешите мне высказать несколько замечаний относительно доводов, какие используются в этой «защите».

Сэр Освальд утверждает, что публику в Олимпии необходимо было оградить от «красного насилия». Я хотел бы спросить сэра Освальда, сколько именно человек из его аудитории в Олимпии подверглись нападению или хотя бы угрозе нападения со стороны «красных хулиганов», что оправдало бы немилосердное избиение их его «распорядителями»? Как свидетель того, что делалось в Олимпии, и как пострадавший, я утверждаю, что ни разу нарушители не начинали драки первыми, и что если кто из распорядителей и пострадал, то исключительно в результате собственных агрессивных действий.

Между прочим, те, кто прерывал собрание, отнюдь не были «хулиганами». Они пошли на митинг с определенной целью – показать английской публике истинный характер фашизма и всего, что он за собою влечет. Поступая так, они вполне сознавали, на что идут, и

отнюдь не собирались изображать из себя «мучеников», чтобы вызвать дешевое сочувствие.

Сэр Освальд заявил также, что полиция не сумела защитить от «красного насилия» публику, собравшуюся около Олимпии. Да будет мне разрешено сообщить ему, что эта публика не нуждалась в защите и не получила ее по той простой причине, что блюстители закона заботились только о том, чтобы не дать этой публике ворваться в Олимпию или накинуться на любого чернорубашечника, какому случалось показать нос на улицу. О нападении коммунистов на публику здесь не может быть и речи. Ясно как день, что сотни из тех, кто пришел к Олимпии просто «посмотреть, что будет», а затем увидел, какому обращению подверглись выброшенные на улицу нарушители, – уходя, горели желанием отпустить первому встречному чернорубашечнику хорошую дозу его же лекарства.

Сэру Освальду, как видно, невдомек, что среди людей, составляющих оппозицию на его митингах и демонстрациях, есть обыкновенные английские граждане, вовсе не настроенные коммунистически, а просто не желающие терпеть у нас в стране наглость и грубость гитлеровского образца. Если бы все, кто демонстрировал вокруг Олимпии, были «красными», коммунистическая партия поистине могла бы гордиться своей численностью».

Бэзил Дж. Грин, Лондон, Олбэни-стрит, 59.

«Дейли телеграф», 12 июня

«Мы, нижеподписавшиеся, присутствовали на фашистском митинге в Олимпии в прошлый четверг и хотим обратить ваше внимание на следующие случаи зверских расправ, учиненных членами Британского союза фашистов, каким мы сами были свидетелями. Мы ничего не передаем с чужих слов, а правильность того, что описано ниже, готовы подтвердить под присягой.

1) Человек, сидевший на арене, встал с места и крикнул: «Гитлер...». Десятка полтора фашистов в форме набросились на него, сбили с ног и стали пинать ногами. Затем его сбросили с лестницы. 2) Девять фашистов выносили из зала молодую девушку, осипая ее ударами. Один из нас вмешался, на него напали несколько человек и избили его. Девушку схватили несколько женщин-фашисток, которые стали царапать ей лицо и рвать волосы. 3) Человек, сидевший около корреспондентских мест, крикнул какое-то слово. Позади него встал с места фашист со значком на груди и с такой силой ударил его по голове тростью, что трость сломалась, а человек без чувств свалился на пол. 4) Из зала выносили человека в полуосознательном состоянии, в крови. На него накинулось было несколько чернорубашечников, но их остановил их же офицер. 5) Женщина, сидевшая на арене, высказала свое возмущение грубостью чернорубашечников. Один фашист схватил ее за горло и с помощью четырех других выбросил из помещения. 6) Человек на арене встал и крикнул: «Это ложь!» Пятнадцать чернорубашечников протащили его через несколько рядов стульев, бросили на пол, несколько раз лягнули, по-видимому в лицо, потом за ноги выволокли вон.

Следующие случаи произошли на Блайтрод:

7) Один из нас вел раненого в голову человека на медицинский пункт; близ выхода из Олимпии на Блайтрод на голову ему свалились брошенные из-за стены рваные брюки. Открылись ворота, и на улицу выкинули человека в одной рваной рубашке. Лицо у него было глубоко рассечено, он тут же потерял сознание. 8) Человека вытолкнули из ворот на Блайтрод, он весь дергался, был почти без сознания, из нескольких ран и порезов на голове текла кровь. Двое стоявших поблизости подхватили его и хотели отвести на медицинский пункт Олимпии, но (из-за вмешательства полиции) были вынуждены оставить его на тротуаре без сознания. Позднее его подобрали коммунисты. 9) Когда открылись ворота, собравшиеся на Блайтрод и среди них некоторые из нас увидели, как большая группа чернорубашечников избивала дубинками человека. Потом его выкинули на улицу, кровь хлестала у него из головы и из раны, длиной в несколько дюймов, на шее».

Подписи: Э. К. Шильдс-Коллинс, Г. Гиллзчдер, Дж. Сеймур Спон, Ричард Джейффериз, Хью Госчок, Г. С. Бишоп, П. Ардертон (Союз Лондонского университета).

«Я только что вернулся с фашистского митинга в Олимпии. Передаю следующий инцидент в точности так, как он произошел, и – поскольку я не состою ни в какой политической партии, – без всяких комментариев. Выходя из Олимпии на Блайтрод, я видел, как восемь чернорубашечников тащили к воротам человека. У ворот они остановились, сняли с него штаны и били так, что он громко кричал от боли. Потом его выкинули на улицу. Полисмены, стоявшие у ворот, заявили мне, что они бессильны, потому что не видели самого нападения и потому что оно имело место в частном владении».

Дж. Г. Бентли, Лондон, Брондсбериорд.

Сообщение, сделанное в редакции «Нью лидер», 15 июня.

«Я дежурил с машиной на Рассел-род, рядом с Олимпией. Время от времени я отвозил пострадавших в дом врача, жившего неподалеку и устроившего у себя пункт первой помощи. Когда я приехал туда в первый раз, две комнаты были уже полны раненых, три врача и три медсестры работали без передышки. Я помог внести в дом молоденькую девушку, которая страшно мучилась. Ее избили ногами по животу за то, что она, в ужасе от того, что творилось вокруг нее, встала с места. Помог я и трем молодым людям, которых фашисты избили и сбросили с лестницы. Один из них получил страшный удар под ложечку и корчился от боли. Его пришлось внести в дом на руках. У всех, кого я переносил, лица были в крови, губы распухшие и рассеченные, на лицах – раны, какие нельзя нанести голым кулаком. У некоторых были выбиты зубы.

Это продолжалось несколько часов, и всякий раз, как я возвращался на медпункт, он оказывался битком набитым новыми жертвами. Своего последнего пациента я доставил около 11.15 вечера. На руке у него было несколько глубоких резаных ран, очевидно нанесенных каким-то острым орудием. Затем я отвез одного очень серьезно изувеченного человека в больницу Сент-Мэри Эббот. Перелом ребер, рассеченная голова, порезы и ушибы лица. Его оставили в больнице. Оказалось, что туда еще раньше привезли шесть человек с различными увечьями, полученными в Олимпии... Я вернулся на медпункт около 11.45 и отвез в ту же больницу еще одного человека, раненного в голову. Его тоже оставили там. Затем я отвез в Клэпем молодого человека, который подвергся жестокому, просто дикому обращению. Его сбили с ног, били по лицу и по голове. Лицо было все в синяках и порезах, губы распухли, передние зубы еле держались. С митинга его вынесли шесть чернорубашечников, причем несли так, что почки и ягодицы представляли удобную мишень или ударов. Всю дорогу его били и, наконец, сбросили с лестницы. Он страшно мучился. Ноги ему выкручивали, точно хотели сломать лодыжки. Я отвез его домой и пробыл с ним почти до двух часов».

«Дейли геральд», 9 июня.

«В центре зала что-то произошло. Мгновенно туда ринулся отряд чернорубашечников. Они работали кулаками направо и налево, опрокидывали стулья и расталкивали зрителей. Одного человека они свалили на пол и стали пинать и топтать ногами. Какая-то женщина закричала. Чернорубашечники немедленно окружили ее и передали своим женщинам, которые стали ее бить и царапать. Она сползла на пол, тогда ее подхватили и полуголую, потому что платье с нее было сорвано, кричащую, поволокли к выходу».

Р. Рис, Лондон, Блекхит.